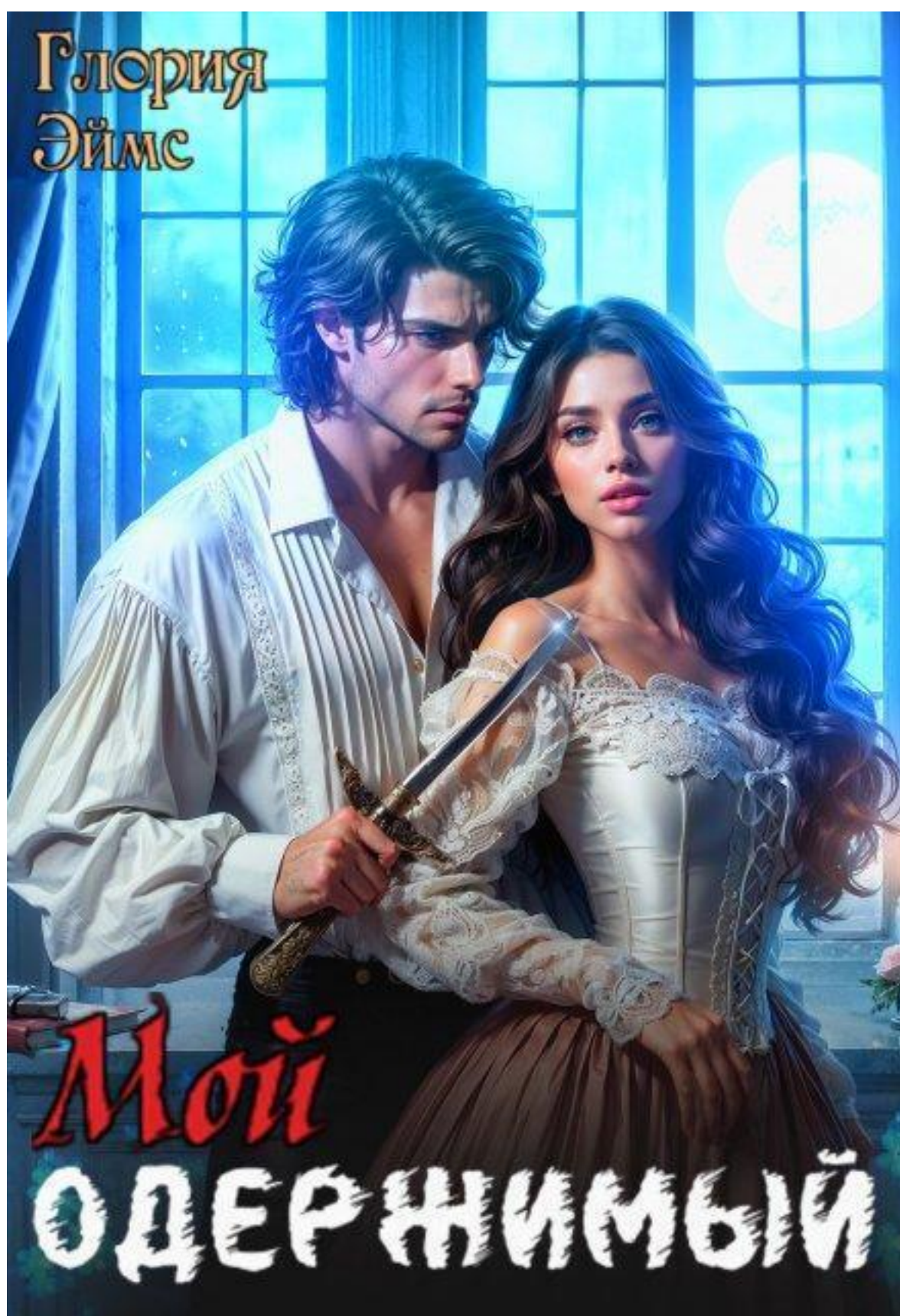

Глория
Эймс

Мой
ОДЕРЖИМЫЙ

Глория Эймс

Мой одержимый

«Литнет»

2020

Эймс Г.

Мой одержимый / Г. Эймс — «Литнет», 2020

Я - сильная ведьма, но по неосторожности стала пленницей герцога Эрхангера, одержимого мечтой уничтожить Карла Савойского. К тому же меня преследует опасный монах-фанатик. Здесь не место сомнениям и чувствам, но что-то происходит помимо моей воли... Книга основана на реальных исторических событиях!

© Эймс Г., 2020

© Литнет, 2020

Содержание

Глава 1. Замок Шильон	5
Глава 2. Подготовка	9
Глава 3. Брат Фома	12
Глава 4. Выбор жертвы	15
Глава 5. Музыка из прошлого	18
Глава 6. Один из них	21
Глава 7. Ложь и слухи	24
Глава 8. Заказчик	27
Глава 9. Казнь	30
Глава 10. Красная луна	33
Глава 11. Просители	36
Глава 12. Неосмотрительные траты	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1. Замок Шильон

Каменные стены нависают над пропастью. Скалистый остров соединён с берегом озера подвесным мостом, но тот обычно поднят. Замок неприступен и грозен. Однако сегодня всё будет иначе, и скоро я окажусь внутри. Настоящую ведьму никакие ворота не остановят!

Сегодняшним везением просто грех не воспользоваться: герцог Савойский, именуемый Карлом Воинственным, заказал в деревне изготовить новую мебель для покоев. Само по себе это необычно: почти всё время Карл проводит в Турине. Иногда он ненадолго приезжает в замок Шильон, но на этот раз он что-то задержался. Уже пару месяцев его светлость живёт в замке, потому и решил взяться за обстановку.

Провожу ладонью по лицу, поправляя обманчивый облик, что послужит мне лазейкой в подземелье. Уф, что-то я разволновалась, хотя дело-то пустяковое – проникнуть в замок под видом простой работницы. Ведь столько раз уже это делала! Но сегодня почему-то беспокоит.

Грохочущие цепи опускают мост, и обозы въезжают внутрь. Иду рядом с телегой, будто каждый день так делаю. Красильщица или вышивальщица – кто разберёт? Да никому и дела нет. Хоть я и предполагала, что смогу пройти, даже не используя магию, холодок пробегает по спине: слишком высоки ставки. Карл скор на расправу, об этом знают даже дети в окрестных деревнях.

Вот и двор. Обозы разгружают, а я в общей суете прохожу дальше, ко входу в казематы.

Как же дрожат руки... Да что это со мной? Соберись, Лорена! Сейчас ты подойдёшь и постучишь в дверь. Ничего особенного – торговка лечебными мазями и настоями предлагает свой товар. Никаких сомнений – и никто ничего не заподозрит.

Провожу кончиками пальцев по закопчённой дубовой двери, что вся в глубоких царапинах и зазубринах. Она повидала многое – и обыденную жизнь обитателей замка, и настоящие бои, и «честные судебные поединки». О, да, герцог Савойский особенно их любит! До чего же удобно использовать их для убийства недругов, лишь выставив заведомо более ловкого и сильного противника!

Останавливаю мечущиеся мысли. Возможно, оказавшись за этой тяжёлой дверью, я уже не смогу выйти наружу. Готова ли я рискнуть? Кажется, впервые за долгое время мне по-настоящему страшно. Ладно, взялась за этот проклятый заказ – значит, нужно делать!

Прочь сомнения! Крепко хватаюсь за железное кольцо и стучу.

Окошечко в двери приоткрывается, и взгляд стражника ощутимо скользит по моему лицу. А оно у меня сегодня самое правильное. Я хорошо потрудились над ним: нежный взгляд, видно, что скромна и наивна, но в меру осторожна. Раньше я пробовала прикидываться калёй, но немного найдётся людей, готовых пожалеть уродину. А вот миловидную девушку всякий приветит.

Главное в этом деле – не перестараться, чтоб тут никого не одолела безудержная похоть при одном только взгляде. Иначе я потеряю время, наводя на них бессилие. А мне важна каждая секунда. Сейчас же стражник видит робкую милую девушку, бедно, но чисто одетую, с корзиной травяных снадобий. Разве что необычно высокую для местных, ростом со среднего мужчину.

- Ну? – он оглядывает меня ещё раз.

Я вижу его мысли, он уже прикидывает, что неплохо бы прижать меня в уголке, запустить руку под холщовую юбку в поисках нежного бедра. Чувствую в нём едва заметное возбуждение, пока не грозящее перерасти в нападение. Остынь, охальник! Тебе никогда не посчастливится дорваться до тела ведьмы! Мысленно усмехаюсь. Наверняка ведь испугается до икоты, если поймёт, кто я на самом деле...

Ладно, с его помыслами разобрались, теперь мне нужно доиграть свою роль! Будто бы преодолевая робость, бормочу:

- Целебные травы от ран и болячек...

Окошечко захлопывается, слышен грохот засова. Так, теперь высочайшая осторожность...

Вхожу, быстро моргая, чтобы глаза привыкли к сумраку. Сводчатый потолок, необычно высокий для подземелья замка, каменные колонны уходят в темноту. В закутке на ящике горят свечи, рядом двое стражников чистят оружие. Ход в казематы по правую руку. Надеюсь, там не слишком запутанные переходы. Ничего, разберусь. Теперь можно сделать лицо попроще – опустить углы рта, добавить возраста. Мало ли что в голову взбредёт сидящим взаперти без дела взрослым мужчинам?

Выкладываю на край стола несколько холщовых мешочков:

- Вот от сыпи, а это - если рана долго не заживает...

- А это? - тот, что открыл дверь, хватая меня за пояс, вытаскивает маленький свёрток.

- А это, - понижаю голос, - для обретения мужской силы.

- Убери! Не пригодится, мне – так точно, - он надменно отпихивает мешочек.

Остальные, ухмыляясь, переглядываются.

До чего же любят такие типы похвастаться своими победами! А под покровом сумерек всё равно крадутся купить подобные средства у лекарей-шарлатанов. Хвастливая морда. Того и гляди, начнёт лезть под юбку, чтоб заодно и остальным показать, на что способен.

Его рука по-прежнему придерживает меня за пояс. Не пытаюсь отступить и освободиться. Соппротивление таких наглецов только возбуждает. Слышу обрывки его мыслей: он прикидывает, не поймет ли меня прямо здесь, на глазах у сослуживцев. Сколько живу, а до сих пор не пойму, зачем нужны в таких делах свидетели – как подтверждение мужской силы? Чтоб было кому поддакнуть, когда захочется рассказать что-нибудь вроде: «Я её отодрал три раза подряд, а она визжала так, что в соседнем герцогстве слышали!». Да, не иначе!

Но у меня есть средство, что быстро охладит его пыл. Снова немного меняю облик.

Продолжая держать за пояс, на мгновение стражник вглядывается в моё лицо – и видно разочарование. Да, при дневном свете я показалась ему моложе и привлекательнее, а теперь, в подвале, он видит не первой свежести дурнушку, покрытую оспинами. Брезгливая гримаса перекашивает его наглуую морду. Что, не ожидал такого обмана зрения?

Хватка на поясе слабеет. Извини, не всем везёт в этом мире!

- А это травы для бодрящего чая, - раскрываю мешочек, беру щедрую щепоть, подбрасываю в воздух. – Аромат прекрасный, только примухайтесь! Хотите попробовать?

Один наклоняется рассмотреть и тотчас утыкается головой в стол. Другой пытается вскочить и тоже падает. Оглядываюсь: третий сел с остекленевшими глазами. Сейчас они видят то, что я нашептала в морочную пыль. Мне пора действовать.

Подземелье здесь непростое, оно врезано в скалу, так что если хочешь сбежать – разобрать камни не получится. У меня всего несколько минут, нужно торопиться, пока морочная пыль не осела. Нырять в темноту перехода, сворачиваю, полагаясь лишь на чутьё, подсказывающее: где-то рядом живой человек. Здесь потолок ниже, я почти цепляю его головой. Ещё поворот. Каменный мешок. Несколько зарешёченных ниш. Где же он?

- Эй... - шёпотом доносится из угла.

Осторожно, маленькими шагами иду на голос.

Человек в грязной, но дорогой одежде вцепился руками в чугунные прутья решётки:

- Ты ко мне? Я Лео...

Его лица не видно, но мне и не нужно, главное, что имя названо. Молча протягиваю ему свёрток со снадобьем. Он ощупывает порошок сквозь ткань:

- А в воде размешать можно?

Киваю и быстро иду к выходу.

Стражники всё ещё видят в своём воображении, как я выкладываю один за другим на стол всё новые и новые травы. Их глаза неподвижны, лица расслаблены. Пыль почти осела.

Вытаскиваю у каждого по монете, оставляю в руке по мешочку с присыпкой от ран. У меня всё по-честному. Придут в себя – решат, что я их испугалась и убежала, как только получила деньги за снадобья.

Пять шагов к выходу. Засов поддаётся. Тяжёлая дверь с грохотом захлопывается за моей спиной. Можно выдохнуть. Спокойно прохожу между торговыми рядами к воротам. Веет чистым воздухом с реки. Прочь, прочь отсюда!

Огибаю городок Монтрё по весеннему лесу. Мне не нужны лишние взгляды. К тому же по его окраинам рыщут бернские наёмники, а я сегодня устала и не хочу новых приключений. Миную изгибающиеся поперёк склона виноградные террасы. На виноградниках никого нет – лоза ещё не проснулась, делать нечего. Длинная узкая тропа выводит на окраину посёлка Кларан.

Старый дом на отшибе у излучины реки – мой. Не знаю, надолго ли, но пока мой. Наконец-то можно скинуть чужое обличье и одежду, с разбега нырнуть в воду, чувствуя, как становится легко и спокойно. Я чувствую, как возвращается мой привычный облик: светлая кожа, тёмные волосы, чёрные глаза. Вполне человеческая внешность, лишь высокий рост порой привлекает лишние взгляды, но с ним ничего не поделаешь.

Мысли снова возвращаются к сегодняшнему заказу. Вроде бы всё так, как обычно, но что-то в глубине души беспокоит, точно мышь под полом шуршит. Что-то не так, но пока я не могу понять, что именно...

Работа сделана, но заплатят мне при условии, что всё получится. Да что там может не получиться?! Впрочем, теперь от меня уже ничего не зависит. Ладно, пока даже думать об этом не стоит.

Вылезаю из воды, набрасываю на мокрое тело нижнюю рубаху и прямо так иду в дом. Через затянутые вощёным холстом рамы проникают лучи весеннего солнца. Как хорошо, что скоро из-под земли появятся новые ростки трав, и можно будет составлять свежие снадобья.

В доме мало места, но и обстановки немного: кровать у стены, стол и две лавки. Когда я в силе, мне удобно даже на голом полу, так что мне хватило бы лишь стола, чтобы составлять зелья. Но лучше не вызывать вопросов, ведь ко мне иногда приходят люди, порой даже чаще, чем хотелось бы. Кому-то нужно лекарство, кому-то оберег. Продаю и не заламываю цену, нужно сохранять добрососедские отношения со всеми. В глазах людей я просто хорошая знахарка.

Не жду от людей ничего хорошего, зато всякий раз их неожиданная доброта ко мне наполняет благодарностью. Иногда соседи чинят мой грозящий развалиться дом, делятся едой, помогают по хозяйству. У них вскоре начинает лучше доиться корова, а из амбара исчезают мыши. Люди не ищут объяснения таким простым вещам, просто радуются. Я не похожа на тех, кого они боятся, на выдуманный проповедниками ужасающий облик. И пока так – мне ничего не угрожает.

Кусок медного зеркала, оправленный в деревянный короб, мельком отражает меня, но я ни на мгновение не останавливаюсь перед ним. У меня нет людской привычки смотреться в зеркало. Нечего поправлять, нечего разглядывать. Я вижу это лицо в зеркале уже сотни лет. Ничего нового. Я привыкла к себе в таком обличье.

Не уверена, что это моё истинное лицо. Во всяком случае, оно не требует усилий для поддержания, в отличие от прочих. А силы нужно беречь – даже ведьма не может знать наверняка, что уготовило будущее.

Друзья, рада, что вы читаете эту книгу! Прошу помнить о лайках, репостах и комментариях, мой брутальный Муз вдохновляется ими!!! Вас ждёт много сильных страстей, реальных исторических событий и настоящих заклинаний, что практиковали средневековые ведьмы... А также противостояние сильных характеров и много опасностей, что будут подстергать наших героев!

А еще, конечно, будут арты, визуалы и карточки героев. За обложку благодарю восхитительного артера Adeline Rey!

Наша героиня могла в то время выглядеть так:

Глава 2. Подготовка

Интересно, как там юноша в каземате? Наверное, уже принял зелье и вот-вот его обнаружат в таком виде, что и опытный лекарь не признает живым.

Рискованное это дело – помогать аристократам. В последний момент могут испугаться, передумать и подставить исполнителя, не раз такое случалось. Обычно заказчики сами меня находят, нужные имена передаются в таких семьях из поколения в поколение. Бывало, на выходе из кирхи после мессы кто-нибудь сунет незаметно кошелек и исчезнет в толпе. А там, помимо монет – записка с именем и просьбой. После того, как просьба исполнится, точно так же появляется остальная плата. Но изредка случалось и так, что во время исполнения заказа ведьму хватили по доносу, присланному заказчиком. Трусливые, подлые... Люди как они есть, что тут поделать.

На этот раз от меня требовалось немало, и плату я попросила высокую. Достать ингредиенты зелья было сложно, сбыть в случае отмены заказа – ещё сложнее. Дворянин, не пожелавший открыть лица и полного имени, попросил вытащить одного пленника под видом его преждевременной кончины. Что-то там они с графом Савойским не поделили – и тот заточил неприятеля в казематах Шильонского замка. Главным условием было то, что узник должен был воскреснуть, как только его тело вывезут за пределы замка для погребения в фамильном склепе. Прочих подробностей я не знала, да меня и не особенно это интересовало.

После первой охоты на ведьм в моём родном Аррасе прошло уже больше тридцати лет. Осев в Кларане, я в глазах соседей выглядела почтенной вдовой по имени Жанин, имеющей знания в медицине. И снимать эту маску совсем не хотелось.

Похлёбка в очередной раз закипала, когда раздались знакомые шаги. Чёрт принёс Йора, как обычно, не вовремя. Распахнув дверь без стука, он первым делом возмутился:

- Жанин, у тебя тут вода на полу... ааа, опять купалась? Смотри, водяной утянет на потеху!

- Утянет – ему же хуже, - отозвалась я, накидывая верхнее платье и повязывая передник. Даже перед ним нужно быть скромнее, хотя Йор болтать на людях лишний раз не будет.

Йор помогал мне по хозяйству по старой памяти – мы с его матерью были знакомы. Первая семья, что встретила меня по прибытии в Кларан, приняла меня как гостью и помогла незаметно влиться в жизнь этого места.

Даже при самом слабом свете сальной свечи Йора не получилось бы назвать красивым – плоское, невыразительное лицо, к тому же половину щеки занимало красное пятно, перекркнувшее её ещё до рождения. Соседи говорили, что это будто бы оттого, что мать Йора, будучи на сносях, заходила в кузницу к мужу и глядела в горнило. Пламя опалило младенца в утробе, потому и осталось пятно. Некоторые шёпотом передавали сплетню, будто матери в огне привиделось нечто такое, отчего она стала бояться подходить даже к очагу в доме.

Всё это чушь, я точно знала – помогая обмывать её тело перед погребением, я обнаружила у неё на животе точно такое же пятно. Потомственная отметина, ничего больше. Но людям нужно что-то обсуждать долгими зимними вечерами.

Как бы то ни было, Йор оказался не просто отмечен, а ещё и слаб для кузнечного дела, хоть имел неплохие руки. Он предпочёл осваивать лодочное ремесло, и получалось у него неплохо. Однако из-за уродовавшей лицо отметины и привычки язвить не по делу даже к тридцати годам он не нашёл девушку, готовую пойти за него замуж. Поэтому и ко мне он приходил поработать – что ещё делать, если много досуга?

Приходил он всегда в разное время, по настроению. Иногда казалось, что он делал так нарочно, будто хотел застать врасплох во время какого-либо предосудительного занятия. Хотя, возможно, это подсказывала моя привычная осторожность. О, да, я стала очень осторожной в

последние годы! Кажется, я вплотную подошла к тонкой грани, отделявшей рассудительность от безумия...

Йор подошёл к очагу, заглянул в котёл, жадно втягивая ноздрями пар:

- М-м-м... Угостишь?

- Наливай сам, сколько хочешь, - я перебирала травы, подвешенные в углу. - Порог треснул, нужно починить, да ты сам, наверное, видел. И дров нарубить, а то один хворост остался.

- Будет сделано, - усевшись с миской за стол, Йор быстро прикончил похлёбку. - Вкусно. Где мясо-то достала?

- Да так, повезло, - я растолкла несколько веточек сальвии и упаковала в мешочек.

«Лучше тебе не знать, что за мясо в котле», - думала я, с улыбкой наблюдая за тем, как парень выскребает миску.

За сутки над огнём всё разварилось так, что и не узнаешь. А там лишь нужное, полезное и к тому же похожее на настоящее мясо: сверчки, дождевые черви, лягушки, летучие мыши. Что поделать, если уже который год лето сырое, а скотины в хлевах всё меньше? Если не задумываться над тем, из чего блюдо, то вкус у похлёбки получался отменный, а мясо – оно всегда мясо.

Выдохнув, Йор отдал мне миску и развалился на лавке:

- Сейчас всё почию, только дай отдохнуть.

- Да не торопись, день длинный... - я продолжала возиться с травами.

- Не, мне вечером нужно за дровами для патера съездить. На всякий случай, завтра разоблачение будет на площади. Вдруг и вправду найдут, кто неурожай наслал? Придётся жечь. А дров мало. Может, два раза придётся ездить.

- В честь чего завтра-то?

- Так ведь новый охотник на ведьм приехал.

- Очередной мелкий мошенник?

- Не, похоже, этот серьёзный господин. Рассказывают, в одном городе аж двадцать ведьм за раз вывел на чистую воду. Всех сожгли!

- Значит, крупный мошенник. Ладно, ты пока чини порог, а я пойду за водой.

Выйдя за дверь, я направилась к речке. Ведро тянуло руку, хоть и было пустым. А тревожные мысли давили на виски...

Как наивны люди! Неужели убийство нескольких из них вернёт им хорошую погоду и даст урожай? Сейчас некоторые из них предвкушают завтрашний день, как новое развлечение, но не знают, что завтра, в то же самое время, будут корчиться на костре. Я не раз видела такое. Кто-то до конца будет отрицать ложное обвинение, кто-то сознается, да ещё и утянет за собой нескольких недругов, чтоб не зря пропадать. Никогда не знаешь, на что человек способен, пока огонь не лизнёт его тело.

Речка блестела под весенним солнцем, бодро перекатываясь через камни, торопясь к озеру. Хорошее место, но пора уходить.

Особой тревоги я не испытывала. Но в последнее время слишком много знаков говорило: пора. Люди вокруг что-то почуяли, но не до конца поняли, что именно. Незнание страшнее определённости. Они начали бояться, а страх заразителен.

Где бы я ни жила в своих скитаниях, особенность моей магии со временем кто-нибудь да замечал. Колдовские силы я черпала из Природы самым привычным для ведьм способом – через здоровые тела молодых красивых мужчин, что хотели любить меня. Раньше, когда я жила в Аррасе, не было отбоя от желающих стать проводником магии для сильной притягательной ведьмы. Я была куда разборчивее в те времена, нежели сейчас, долго присматривалась, выбирала себе прекрасного проводника магических сил, а затем мы сливались в порыве желания, и сама Природа проникала через него в меня, наполняя новыми возможностями.

В Кларане мне приходилось быть осторожнее. Сменив обличье, пробиралась как можно дальше от Кларана. Находила молодых и неопытных мужчин, прикидывалась сельской простушкой, а затем использовала их для подпитки своей магии. Но в последние годы всё реже удавалось найти хорошее тело, готовое проводить чистую природную силу, и вместе с другими уцелевшими ведьмами я перебивалась редкими всплесками магии, что вызывались подлунным хороводом. Конечно, он не давал той неистовой силы, что раньше я черпала через людские тела, но выжить получалось.

Итак, решено: в ближайшее полнолуние, когда по обыкновению мы с подругами встретимся для ритуала, я попрошу совета, куда податься. Как на этот раз обставить своё исчезновение? Может, снова утонуть? Благо, река близко.

Было много способов заставить людей поверить в мою гибель. Я тонула на глазах у людей, было потом забавно смотреть, как вся деревня щупает дно баграми. Иногда в лесу находили окровавленные клочки моей одежды и устраивали облаву на расплодившихся волков. Как и моя жизнь, моя смерть давала людям повод для ненависти.

Опустила ведро на всю глубину потока - оно заметно потянуло за собой. Да, вполне может такое быть: наклонилась, потеряла равновесие, тело вынесло в озеро. Там чёрта с два найдёшь. Значит, будет так. Хорошо бы ещё свидетелей найти, хоть того же Йора. Вызвать на реку под каким-нибудь предлогом, прямо на глазах у него упасть воду и исчезнуть. Так надёжнее всего. Только бы не рванул следом спасать, с этого дурачка станется.

Зачерпнув воды, поставила ведро и села рядом, касаясь босыми ступнями потока воды. Река всплескивала, заигрывая со мной. Жаль тебя оставлять, дорогая, но придётся.

День моего исчезновения определить было сложно. Всё упиралось в деньги. Полную сумму за снадобье для узника мне всё ещё не заплатили. Пока он примет, пока зелье подействует... Сколько-то ещё времени пройдёт до момента, когда стражники поймут, что он не дышит. Затем осмотр врачом, доклад высшим чинам о смерти узника. Всё может затянуться на неделю. Если начнут разбираться – обнаружат, что останки подозрительно нетленные. А там и до разоблачения недолго. Так, хватит об этом думать.

Рывком подняла ведро. Нечего рассиживать. Нужно ещё много приготовить до моего исчезновения. Тем более что завтра все жители будут заняты. На дознании начнут искать «ведьму» и назначат виновной ту, что не сможет отвертеться. Как противно, что завтра я увижу всё это.

А смотреть придётся. Моё отсутствие будет красноречивее всяких разоблачений.

Глава 3. Брат Фома

Утренний звон разносился далеко за пределами посёлка. Светило солнце, запахи весенних цветов крепились в воздухе. Назойливо дребезжащий звук надтреснутого колокола возвещал о начале воскресной службы. Отличный день, чтобы умереть. Надеюсь, это буду не я.

Я успела к самому началу проповеди патера Теодора. Все скамьи уже были заняты достойными жителями Кларана, люд победнее теснился у дверей. Чужих в таком маленьком посёлке видно сразу – я заметила у придела несколько коленопреклонённых фигур в чёрных плащах. Доминиканцы, конечно. Псы господни, как они себя называют. Вот и сюда дошла эта зараза.

Встав у колонны, я опустила глаза. Бедные башмаки, чистое скромное платье из четырёх клиньев, скреплённых шнуровкой, простая, без вышивки, шаль на плечах, вдовий чепец полностью скрывает волосы – само смирение. Придаться определённо не к чему.

Патер Теодор начал с псалма, а затем перешёл к сути сегодняшнего обращения к прихожанам. Он говорил по обыкновению долго, упоминал несчастья, свалившиеся на наш край в последнее время, взывал к смирению и повиновению воли господней. А затем объявил, что всех ждут на площади, поскольку приезд известного разоблачителя ведьм, ученика самого Генрикуса Инститора[1], обязывает к участию абсолютно всех жителей.

Возбуждённо переговариваясь, народ повалил наружу, мимоходом касаясь чаши со святой водой. Руки мелькали над гладью, разбивая отражения лиц, на мгновение сталкивались.

Вот господин Абготт поднёс в горсти воду госпоже Бюрх, та улыбнулась, но чуть заметно покачала головой и коснулась воды в чаше, миновав его ладонь. Приятная полная женщина нравилась многим, но определённо хранила верность господину Бюрху.

Дора, засидевшаяся в девках полоумная сестра Абготта, с хихиканьем брызнула водой на брата. Тот и рад бы не водить её в кирху, да боится, что в его отсутствие она дом спалит. Дора обычно тихая, но если разошлась – только держи. Бормочет что-то, вырывая у себя волосы ключьями. Если её не видно в церкви, все знают: Абготт в очередной раз устал следить за сестрой и, связав её, оставил дома, чтоб не навредила себе и другим.

А вот и Йор тут как тут. Занеся руку над чашей, чуть тронул запястье дочки мясника, а та брезгливо отдернула руку. Да, парень давно бы мог найти себе ровню, с оспинами или хромоножку, но всегда метил выше – оттого не имел ничего.

Собравшись в большой круг, растянувшийся по краю площади, толпа оживлённо шепталась в предвкушении развлечения. Посмотрим, чьи планы на день сегодня изменятся...

Я встала подальше от первого ряда, на ступенях кирхи, по левую руку от патера Теодора. Несмотря на искреннюю веру в необходимость истребления всех, кто не готов полностью принадлежать религии, патер был приятным человеком. Во многом из-за него я так надолго задержалась в Кларане.

Насколько безопасно место, всегда удавалось определить по местному патеру. Попав в новое место, я первым делом шла на исповедь. Придумывала мелкие проступки – вроде того, что случайно съела миску мясной похлёбки в постный день, рассказывала всё с притворным раскаянием, а сама следила за патером. По тому, как тот слушал, как смотрел на меня сквозь решётчатую преграду, можно было сразу понять, какова его паства, и стоит ли оставаться здесь надолго.

Патер Теодор понравился мне с первого взгляда. Сдержанный, но спокойный в обращении, он неизбежно вызывал доверие. Доверял ли он мне? Поначалу я так считала. Но в последнее время начала замечать, как он задумчиво задерживает на мне взгляд, ловя какую-то невнятную, постоянно ускользающую мысль.

Сейчас нахмуренные брови патера и сжатые губы не предвещали ничего хорошего. Должно быть, он прекрасно понимал, чем может закончиться приезд разоблачителя в такой маленький посёлок, но препятствовать не мог.

Через толпу протиснулся один из чёрных плащей, и по его движениям сразу стало ясно – идёт тот, ради кого здесь всех собрали. Худоба его бросалась в глаза, видная даже под толстым сукном: лопатки торчали, как у коровы в неурожайный год, сухие, как хворост, руки сжимали висящее на шее увесистое распятие грубой работы. Вытянутое кривое лицо напоминало перекошенный лик грешника с алтаря нашей кирхи, не хватало только языков адского пламени для обрамления. Но пламя, по всей видимости, было вопросом времени.

Разоблачитель обвёл толпу пронзительным взглядом тёмных, глубоко посаженных глаз:

- Я – смиренный брат Фома из ордена псов господних[2]! Я иду по кровавому следу, вынюхивая колдовство и ересь! Господь ведёт меня по этой грешной земле! Не зря я пришёл сюда! Узрите же! – порывшись в суме на поясе, он вытащил большую иглу, блеснувшую на солнце. - Эту иглу благословил сам епископ Базельский! А нить, на которой она висит, сплетена из настоящих волос ведьмы, что казнили по его приговору! Пусть игла укажет на пособника дьявола!

Вытянув руку перед собой, доминиканец отпустил иглу, и она закачалась. Сначала едва заметно, затем всё сильнее. Толпа замерла, заворожённо наблюдая действие...

Повинуясь качанию, разоблачитель переступал небольшими шагами, продвигаясь вдоль первого ряда. Каждый, кто оказывался вблизи, непроизвольно сжимался, пытаясь отпрянуть, отчего разоблачитель чуть заметно ухмылялся и продолжал путь.

Вдруг игла резко метнулась в сторону толпы. На выдохе отпрянув, толпа выдавила из себя госпожу Бюрх, запутавшуюся в юбках и потому не успевшую отступить. Растерянно глядя на иглу, госпожа Бюрх не могла вымолвить ни слова. А игла бесновалась, пытаясь сорваться с нити и впиться в её дородное тело.

- Да разве такое может быть?! – раздался из толпы возмущённый голос. – Это одна из достойнейших женщин Кларана!

- Сейчас узнаем, - ослабился монах.

Резко шагнув к госпоже Бюрх, он схватил подол её юбки и задрал так высоко, что оголился самый верх бедра. Там был шрам от ожога, должно быть, горячая вода при мытье попала или кипящее масло с очага брызнуло. Время и полнота растягивали шрам – округлая отметина распалась, превратившись в подобие шестёрки.

- Это ли не доказательство явной связи с нечистым? – победно воскликнул... - Порой под ангельским обликом сокрыты самые страшные исчадия ада!

Толпа торопливо перекрестилась, пронёсся шёпот страха.

Не давая опомниться и начать сопротивляться, монах воткнул в шрам иглу. Не вышло ни капли крови – шрам был глубоким, к тому же вся кровь от стыда прилила к лицу госпожи Бюрх, таким пунцовым оно стало.

- Некровоточающая отметина в виде шестёрки! – закричал монах. – Так только дьявол клеймит своих приспешников! Вот кто виновен во всех бедах! Господи, дай мне сил победить тьму и в этот раз!

Он вытащил иглу и вздел к небу, показывая, как она блеснит.

- Самое время молиться о прощении! Ибо вам, простым смертным, будет даровано прощение за то, что вовремя не распознали ведьму, а вот ей уже не миновать огня!

Пламенная речь пошатнула уверенность толпы. Самым ужасным было то, что господин Бюрх стоял как вкопанный, парализованный страхом, и не предпринимал ни малейших попыток защитить супругу.

- И вы это допустите? – шепнула я патеру на ухо. – Вы же всегда защищали достойных жителей Кларана! Сегодня госпожа Бюрх – а завтра примутся за всех приличных и состоятельных! Помните, что случилось в Аррасе?

Патер слышал об этих событиях, хотя прошло уже больше тридцати лет. Семья Бюрх часто вносила щедрые пожертвования. Терять постоянный источник доходов патер не хотел. Подняв руку, он негромко, но так, чтобы все слышали, проговорил:

- Новое испытание!

Госпожа Бюрх вздрогнула, словно пришла в себя. Монах кивнул и начал тщательно выискивать новое место на шраме, чтобы воткнуть иглу. Дрожа всем телом от страха и стыда, госпожа Бюрх ожидала испытания.

Я пыталась поймать её взгляд. Наконец, она повернула голову. Мы встретились глазами. Так, успокойся, отдай кровь в рану. Всё будет хорошо. Она вскрикнула, когда иглолка снова проткнула рубец.

Кровь брызнула, как у свиньи на убое. Похоже, игла попала в крупный сосуд.

- Невинновна! – объявил патер Теодор раньше, чем кто-либо успел что-то сказать.

Доминиканец исподлобья глянул на него и с досадой отпустил юбку госпожи Бюрх. Тотчас её покинуло оцепенение, она со всхлипом устремила к мужу, испуганно схватившему её в объятия. И вовремя – ноги у госпожи Бюрх подкосились, и та осела прямо на землю.

Монах как ни в чём не бывало вновь взялся за нитку и пошёл дальше.

- Как это остановить? – шепнула я патеру.

- Никак, - ответил тот. – Он не уймётся, он из Базеля. Тамошним дознавателям даже петуха было не лень сжечь...[3]

Тем временем доминиканец приблизился к нам. Напротив ступеней кирхи игла замерла, а затем взмыла вверх, натянув нить до предела. Толпа встрепенулась, всматриваясь в получившуюся линию. Она была устремлена прямо на меня.

---

[1] Генрикус Инститор, он же Генрих Крамер (1430-1505 гг.) – автор самого известного трактата о борьбе с ведьмами «Молот ведьм».

[2] Domini Canes (псы господни) – игра слов для обозначения доминиканцев

[3] 4 августа 1474 года в Базеле был сожжён петух, снёсший яйцо.

Глава 4. Выбор жертвы

Тяжёлый взгляд монаха упёрся в моё лицо. Глотнув воздуха, я устремилась на брата Фому самый кроткий и смиренный взор, на который только была способна: «Дай мне хоть один шанс, и я подчиню каждый твой вдох и удар сердца...»

Но не успела я мысленно приказать ему, как он быстро отвёл взгляд. Неспроста учился у Крамера – знает, что смотреть ведьмам в глаза не стоит. Однако, даже не глядя, монах уверенно двигался в мою сторону, следя за метаниями иглы.

Указующее острие иглы кружилось над землёй, тянуло нить следом. Три ряда замерших человеческих тел отделяли меня от доминиканца, начавшего медленно приближаться. Игла настойчиво тащила его вперёд.

Против воли я подалась назад, прикрываясь плечом патера Теодора. Но он, всегда такой спокойный, тоже заметно волновался, хоть и старался не подавать виду.

Брат Фома направлялся точно ко мне, а взгляды людей, прикованные к игле, лишь приблизительно прослеживали направление и метались, пытаясь угадать заранее, на кого же теперь падёт выбор. Каждый в глубине души жаждал, чтобы были наказаны недруги или завистники, и каждый обмирал от страха, представляя себя на месте обличённого.

Повисла такая тишина, что стал слышен плеск озера на окраине поселка. Молчаливый поединок наших взглядов стал почти невыносимым. Впервые за долгое время мне стало по-настоящему страшно.

И тут раздался крик, похожий на истошный вопль чайки. Монах бросился в мою сторону и вытащил из толпы стоявшую передо мной полоумную Дору. Не выдержав общего напряжения, она дико захохотала.

Содрогнувшись, помимо воли я схватила патера за рукав, но он торопливо отдернул руку, боясь посторонних взглядов. Он и сам был напуган. Возможно, ему казалось, что игла указывает на него, и только теперь он понял, что угроза миновала.

Меня трясло, по спине текла струйка пота. На этот раз опасность была слишком близко.

Дора же, оказавшись в центре внимания, совсем потеряла рассудок. С хохотом она начала задира́ть юбки, приговаривая:

- А я! Хаха! А я тоже хочу! Ха-ха-ха! Вот я!

- Вот оно, признание! – провозгласил доминиканец, торжественно выпрямившись. – Она сама подтверждает, что готова отдаться нечисти!

Сорвав с Доры чепец, он предъявил миру её полуобщипанную голову, видать, недавно снова драла волосы. На голове было два небольших родимых пятна, просвечивавших между волосами.

- Дьявол метит своих подопечных разными способами, но спутать его отметины с чем-либо другим невозможно! – уверенно воскликнул монах. Похоже, его несколько не смутил промах с госпожой Бюх. – Узрите след от копыта дьявола!

Брат Фома, поистине, обладал удивительным даром убеждения. Даже при самом тщательном осмотре и особенно развитом воображении трудно было принять два овальные пятнышка за след копыта, но в толпе раздалось выкрики одобрения, и многие закивали головами. И чем дальше от Доры стояли люди, тем больше среди них было согласных. Хотя вряд ли они вообще что-либо могли разглядеть с такого расстояния.

Диковато озираясь, Дора тем временем ощупала непокрытую голову, схватилась за волосы и начала по привычке выщипывать прядь за прядью, погрузившись в ощущения. Монотонное движение сразу же успокоило полоумную, и больше её не интересовало происходящее вокруг.

Тем временем брат Фома занес иглу и воткнул в одно из пятен. Дора зашла в таком визге, что все вздрогнули. Обведя толпу победным взглядом, монах полюбовался произведённым впечатлением и объявил:

- А теперь мы, с Божьей помощью, проведём тщательное дознание!

Схватив визжащую Дору за остатки волос, он поволок её через толпу вверх по ступеням кирхи, дав сигнал помощникам, чтобы шли туда. Пастор неохотно последовал за ними.

Я хорошо помнила эту хватку: когда человека так волокли, можно было прощаться. Псы господни никогда не выпускали добычу. Оглянувшись, я увидела, как Абготт проводил сестру взглядом, раскрыл рот, а потом, ссутулясь, махнул рукой и побрёл прочь.

Разум людей приспособлен не видеть в упор даже самое очевидное, если есть хоть малейшее подозрение, что правда нарушит спокойствие. После пережитого напряжения каждый хотел верить, что произошло нечто справедливое. Подобно тому, как люди, изнемогающие от повседневных тревог, любят рассказывать о несчастьях, постигших других, находя в этом подтверждение праведности собственной жизни, сейчас многие перевели дух и с готовностью согласились с выбором брата Фомы. Ведь даже уважаемый патер Теодор не возразил!

Толпа начала расходиться, взволнованно переговариваясь. Задним числом, как водится, люди тотчас начали придумывать события, подтверждавшие вину Доры. Кто-то вспомнил, что однажды, в воскресный день, Дора вырвала у себя клочок волос и пустила по ветру – и после началась страшная гроза. Кто-то упомянул павшую в прошлом году лошадь, после того, как Дора её погладила. Кто-то даже рассказал, как в прошлом году, перед самой Пасхой, из дома Абготта выползла змея – верный знак, что в доме творится неладное. Признавая новую реальность, люди пытались объяснить самим себе, что всё происходящее правильно, а им, стало быть, нечего бояться, ведь госпожу Бюрх оправдали.

Никто не проронил ни слова о том, что будут делать с Дорой. Все слышали о раскалённых щипцах, легко отрывающих куски тела, о жгучем расплавленном свинце. Все знали о способах доминиканцев получать желаемые признания, они просто не могли не знать, но даже думать об этом не хотели. Люди всегда видят только то, что хотят видеть и знают то, что готовы перенести.

Медленно, вместе с толпой, я покинула площадь, а затем, всё больше ускоряя шаг, направилась к дому. Пора было готовиться к исчезновению.

Вытащив из тайника несколько монет, я аккуратно вшила их в пояс, который надела под платье. Во второй пояс, что носила поверх платья, для отвода глаз я тоже сунула пару монет. Если вдруг кто-то попытается отнять, то решит, что это все мои сбережения. Остальное нужно спрятать в лесу.

Оглядела дом: как мало вещей, но как много придётся оставить! Всю посуду, кроме моего котла для снадобий, всю мебель, что так тщательно мастерил для меня Йор. Вот почему плохо надолго оставаться на одном месте: обрастаешь лишними вещами, а они привязывают к дому. Не стоило так прикипать к Кларану, не будет от этого добра.

Даже резной короб от зеркала придётся бросить – слишком тяжёлый и громоздкий, он будет мешать в дороге, да и его пропажа из дома после моей гибели будет выглядеть подозрительно. Йор старался, вырезал, пусть и забирает обратно, он догадается не упустить его из виду. А вот с зеркалом не расстанусь. Пусть все думают, что соседи стащили, пользуясь суматохой.

На мгновение мелькнула мысль: «Может, прямо сейчас?» Но я тут же усмирила часто заколотившееся сердце. Нужно дождаться, когда доминиканцы уйдут. Они хитры и подозрительны, могут организовать поиски тела, ничего не найдут, и, поняв, с кем имеют дело, бросятся в погоню. К тому же скоро время полной луны, а мне нужно много сил, чтобы выдержать долгий путь по ночным дорогам. Набранная в прошлое полнолуние сила уже на исходе, рискованно отправляться сейчас.

Надеюсь, мне всё же заплатит этот неизвестный заказчик, ведь я сильно рисковала, пробираясь в замок. Было бы обидно остаться без вознаграждения. Нужно разузнать, как обстоят

дела в замке, дошли ли вести о гибели узника до заказчика. От этого зависит, когда я получу плату. Но теперь следует быть особенно осторожной.

Брат Фома высматривает ведьм...

Глава 5. Музыка из прошлого

На этот раз я пошла не тропой, а открыто, по главной дороге в своём привычном облике. Пусть видят, что вдова Жанин ничем не напугана и так же, как все, идёт на праздник в Монтрё. Оттуда уже было близко до деревушки мастеров, что теснилась на склоне холма неподалёку от замка. Именно там я надеялась узнать, удалось ли мне выполнить заказ.

Когда я впервые появилась в этих краях, только закончилась Бургундская война, и Бернский Союз заполучил Монтрё. Потеснив Савойских, бернцы поспешили запечатлеть знаки своей власти – медведей. Они были повсюду: на утвари, что громоздилась на прилавках, на ставнях и кованых скрепах, даже на последней занавеске в городе были вышиты медведи. Неприятно, должно быть, Карлу Савойскому видеть этих зверей под самым носом.

Монтрё был в разы больше Кларана, хотя видала я города и покрупнее. К моему приходу праздник уже был в разгаре. Огромная толпа собралась на главной площади для того, чтобы поучаствовать в общем веселье. Здесь были торговцы всяческими мелочами, пекари и виноделы, гистрионы[1], кубарем выкатывавшиеся под ноги гуляющим, и даже ловкие карманники, пользовавшиеся удачной минутой. Можно было бы неплохо заработать на снадобьях, но здесь имелись собственные знахарки, к тому же не стоило привлекать лишнего внимания.

Два десятка совсем молодых девушек завели *корале* – сложный хоровод с песнями, и вокруг немедленно собрались поглазеть молодые парни. Мужчины постарше окружили танцовщицу в платье из тонкой ткани, развевавшейся при каждом движении. Она и пела, и кружилась, страстно изгибая тело, но не забывая подбирать летящие в её сторону монетки.

Но большинство взглядов было приковано к тому, что происходило в воздухе.

Между двух столбов был натянут канат, на котором танцор выделял разнообразные, порой непристойные коленца. Сорвись он – не миновать расколотой о мостовую головы. Людей внизу завораживал не только танец, а то, что происходит это на самом краю бездны. Рисковать жизнью – безошибочный способ привлечь внимание.

Кто-то подбросил монетку вверх, и танцор, ловко подпрыгнув, поймал её и затащил непристойную песенку, виляя задом.

- Да провались ты в ад! – раздалось рядом со мной. – Поганный гистрион!

- А тебе что не так? – зарычал громила, собиравший монеты с земли, видно, помощник и охранник гистриона одним разом.

- Не смей использовать благородный поэтический слог для таких песен!

- А ну, сюда иди...

Громила размахнулся, но парень быстро проскочил под локтем и оказался у него за спиной, а удар пришёлся по спине намеревавшегося уйти горожанина. Тот оказался не робкого десятка и отвесил ответный удар. Завязалась драка, с обеих сторон ввязались новые участники. Оказавшись в самой середине, я проложила себе путь, посылая подножки на ровном месте всем участникам и тем внесла ещё большую неразбериху.

Зачинщик стоял у стены, проверяя содержимое своего заплечного мешка:

- Не могу спокойно слушать, когда опошляют благородное искусство поэзии!

Теперь я толком разглядела негодовавшего: молодой и привлекательный, хоть и невысокий. Тёмные кудри и золотисто-смуглая кожа выдавала в нём южанина, а произношение напоминало флорентийское. Одет он был бедно, но с претензией на изысканность, что создавали затейливые вышивки, хоть и дешёвыми серыми нитками по выцветшей зелёной ткани. Подойдя ближе, я рассмотрела поклажу: из мешка выглядывала резная деревянная голова льва, державшего в пасти струны – изящно сделанный гитерн[2].

- По природе я не трус, и мог бы подраться, раз уж речь о таких высоких материях, - объяснил парень. – Но, чего доброго, инструмент поломают...

Громила по-прежнему вздымал над толпой кулаки со сбитыми костяшками. Музыкант повесил на плечо мешок:

- Пойду, пожалуй, пока этот здоровяк обо мне не вспомнил. Где здесь можно переночевать задарма, и чтоб не ограбили?

- Есть старая руина, покажу, если сыграешь для меня.

- Да хоть всю ночь! Завтра мне нужно быть в замке герцога Савойского. Хочу пристроиться ко двору, говорят, платит он щедро, если музыка нравится герцогине. А это ночь – твоя.

Узкие улочки вывели нас к подножию холма, где за виноградниками начиналась роща. Вечернее солнце окрасило пробуждающиеся лозы в красноватый оттенок, казалось, на них уже зреют грозди ягод. За террасами начинался пролесок, в котором почти не угадывались очертания когда-то роскошной римской виллы, теперь превратившейся в груды камней.

- Ты совсем не боишься идти со мной туда? – спросил музыкант.

- Нет. А ты?

- Что – я?

- Не боишься меня?

Он рассмеялся, показав красивые белые зубы – все на месте, знак молодости и здоровья:

- Ты странная! Меня зовут Дацио. А тебя?

- Что, десятый по счету в семье? – перевела я разговор в другое русло. Ни одно имя сейчас не отражало моей сущности.

Он кивнул.

- А я давно не слышала гитерна... Не разочаруй меня.

- Не сомневайся, я прекрасно играю. Откуда ты сама?

- Из Кларана, он дальше по берегу.

- Пришла на праздник?

- Нет, иду в Шильон, но уже вечереет, мастера близ замка наверняка закрыли лавки. Так что скоротаем ночь вместе.

Пока мы шли, я уловила обрывки его мыслей: я ему определённо понравилась, причём даже в собственной голове он выразил это возвышенно, без пошлости. Мысли о поцелуе, о прикосновении к запястью... Такой милый мальчик! Но, взглянув на него снова, я поняла: нет, не получится. Увы, мне он не подходит – нет той первобытной дикой силы, что позволяет мужчине стать роскошным проводником магии. Жаль, мой хороший, но тебя ждёт удел обычных людей, не знавших радости соития с ведьмой!

Поднявшись к руине, мы забрались через дыру в полуобрушенной стене внутрь. Потолок давно сменило небо, от балок осталась одна труха, но каменная мозаика пола местами была яркой, будто её уложили только вчера.

Дацио заглянул в проломившийся угол:

- Похоже, печь цела! Сейчас растоплю...

Такие старые виллы я помнила со времён Арраса. Отапливались они с помощью длинных дымоходов, идущих под полом. Но в Аррасе виллы были настолько разрушены, что пол провалился, дымоходы забились, и печь затопить не получалось.

К моему удивлению, печь под полом действительно была исправна, и вскоре стало теплее.

- Ни монеты сегодня не заработал, - пожаловался музыкант. – Все смотрели только на гистриона. Высокая музыка не в чести. Так что даже угостить тебя нечем.

- Играй, - нетерпеливо потребовала я.

- Вот эту балладу ты наверняка знаешь... - Он тронул струны гитерна костяной палочкой и запел: - Дама к другу не была столь строга на этот раз: слово встретиться дала с ним на днях, в вечерний час...

Изящный слог, недоступный базарным гистрионам. Старая баллада звенела среди руин, связывая бесконечной нитью прошлое и будущее. Сколько поколений родилось и умерло с тех

пор, как она впервые зазвучала? Сколько юных сердец стучало быстрее при звуках гитерна, переполняясь надеждами... Быстротечность людской жизни становится ещё заметнее, когда знакомую песню поёт человек, что родился спустя много лет после смерти создателя этой мелодии.

Последние отзвуки затерялись на террасах среди лоз, пробуждая весенние соки. Я вдохнула умолкающую мелодию, как воздух. Дацио снова коснулся струн:

- Я знаю много баллад...

Он пел, пока было видно струны. Ночь дуновение за дуновением пыталась окутать нас прохладой, но древняя печь справлялась, отражая её атаки.

- Что-нибудь ещё на сон грядущий?

- Спой альбу.

- Их давно никто не просит, - с удивлением ответил музыкант. – Всем подавай баллады. Откуда ты вообще про них знаешь?

О, я любила альбы ещё до появления баллад, но промолчала об этом. Диалог без начала и конца, просьбы и мольбы мужчины, перемещающиеся изящными отговорками дамы его сердца. Сейчас так уже не поют. Но Дацио знал альбу, что нравилась мне:

- Я знаю толк в делах утех, грешу и отпускаю грех, так отчего ж тебе не быть со мной?

- Как ты, монах, собой хорош, взгляну – меня бросает в дрожь, но нужен мне на исповедь другой, - подпела я.

- Людской и божеский закон суров насчёт неверных жен, но грех – колодец оставлять пустым... - продолжал музыкант, и я вспоминала старую альбу строка за строкой.

Бесконечные уговоры и десятки поводов отказать... Альба умолкла, как и началась – на полуслове, полужвуке. Гитерн затих. Дацио потянулся ко мне и коснулся губами руки.

- Чует моё сердце – это самое большее, на что могу рассчитывать в такую прекрасную ночь. Не знаю, почему, но уверен, что ты мне откажешь. Или всё-таки грех колодец оставлять пустым? – он подмигнул.

- Этот колодец слишком давно пересох, - отшутилась я. – В одиночку не справишься.

- Жаль... - Дацио вздохнул. – Всё начиналось чересчур великолепно, чтоб завершиться столь же блистательно.

- Ты прав, - улыбнувшись ему, я укрылась плащом и легла спать на гудящем от дыма нагретом полу.

Да, в какой-то момент мне захотелось получить немного природной силы через это юное тело, но музыка напомнила больше, чем хотелось бы. И тоска об Аррасе стала гуще и горче, словно старое вино. Место, куда возврат заказан навсегда, но которое никогда не забыть. Потому что там была и любовь, и смерть...

---

[1] Гистрион – актёр, совмещавший навыки музыканта, акробата, жонглёра и мима.

[2] Гитерн – музыкальный инструмент, предшественник лютни, играли на нём медиатором.

Глава 6. Один из них

Тогда мы ещё не опасались чёрных плащей, только появившихся в Аррасе. Согласно правилам ордена, будто голодные псы, они ходили от дома к дому, выпрашивая подаяние. Давали большей частью еду, иногда монеты. У меня всегда был наготове кусок хлеба, чтобы не впускать чужаков в дом, а кинуть в суму с порога и на том распрощаться.

Однажды мы с подругами, разговаривая и смеясь, шли по улице с постоялого двора, где неплохо заработали, заговорив одному торговцу на удачу все короба и тюки, что он вёз через Аррас. В переулке неподалёку нам встретился один из этих голодных псов. Он раскрыл суму, а я кинула ему медную монетку, даже не взглянув в лицо, спрятанное под капюшоном.

И в тот самый миг, когда пальцы раскрылись над сумой, выпуская металл, его рука отпустила холщовый край и легко коснулась моей. Меня обожгло – столько желания было в его движении, столько борьбы с самим собой. Отдёрнув руку, я лишь мгновение вглядывалась в его лицо, а затем догнала подруг.

Красивый и молодой, ещё не успевший вымотаться от тягот кочевого нищенства. Светлосерые глаза, полные невысказанных чувств. Сколько сил, должно быть, уходило у него на каждодневное усмирение желаний, то и дело вырывавшихся из-под гнёта наложенных ограничений. Чуть касаться рук добрых женщин, получая милостыню – всё, что мог он получить, да и это творилось украдкой. Должно быть, на исповеди он каялся даже в таких проступках.

Он не знал, кто я, иначе не был бы таким смелым. Прикоснувшись к ведьме с подобными мыслями и встретившись взглядами, мужчина рискует на всю оставшуюся жизнь получить неутолимую жажду, что звалась одержимостью. Соитие даже с обычной женщиной бывает остро необходимо, как пища или вода. Желать ведьму – как жаждать воздуха.

Через несколько дней, в мрачный грозовой вечер, в мой дом постучали. Увидев в окне чёрный плащ, я взяла лежавший наготове кусок хлеба и отперла дверь.

На пороге был он. Его лицо выражало крайнюю степень борьбы с непокорными желаниями, но жажда уже охватила настолько, что он еле сдерживал себя, протягивая суму. Хлеб упал в ненасытное холщовое нутро. Краюха ещё не достигла дна, когда мы встретились взглядами. Он горел так, что его одержимость казалась осязаемой. Вспышка молнии озарила улицу, Nimbus распустив сияние вокруг его головы. Он шагнул через порог.

Никогда раньше я не видела, чтобы желание передавалось так быстро. Одержимость была всеобъемлющей, она заполнила дом, сладким предчувствием растекаясь по моему телу. Схватив за плащ где-то у горла, я потянула его вглубь комнаты, на постель. Но желание, ставшее нашим общим, было уже столь велико, что на полпути мы рухнули на дощатый пол, как подкошенные.

Ветер яростно хлопал незапертой дверью, метались тени, в дом влетали брызги ливня. Срывая друг с друга одежду, мы отдавались нахлынувшему желанию так, будто завтра должен был наступить конец света. Его руки ласкали меня страстно и жадно, будто всегда знали моё тело. И хотя на мгновение у меня закралась мысль, что не так уж он и опытен в любовных делах, всё с лихвой восполнялось его неукротимым желанием.

Монах впился в меня, будто боялся: отпустит – и я растворюсь в воздухе. Первый порыв нашёл быстрое удовлетворение, но я ощущала, как много сил осталось в этот кротком на вид юноше. Добравшись всё-таки на тюфяк, мы перевели дух, и вскоре новый порыв страсти бросил нас в объятия друг друга.

К рассвету он, не проронив ни слова, оделся и ушёл, избегая смотреть на меня. На лице было раскаяние, мой монах явно спешил исповедаться.

Прошла неделя, и он снова постучал в дверь. Как раз закончилось полнолуние, и меня переполняли силы и желания. Я мысленно звала его, и не удивилась, когда он явился в дом. И вновь мы вцепились друг в друга, как в последний раз.

Когда белая ряса соскользнула с его плеч, я нащупала на спине свежие рубцы от плети.

- Кто?

- Я. Сам.

- Почему?

- Потому что грешен. Так нельзя.

- Но ведь ты снова здесь...

- Потому что слаб. Потому что одержим тобой, - его серые глаза были полны такого отчаяния, что мне стало не по себе.

Я хотела возразить, но он заставил меня замолчать поцелуем, от которого захотелось взлететь. Теперь пришёл мой черёд сдерживаться, чтоб ненароком не взмыть к потолку. Я не была уверена, что он готов узнать подобное обо мне, если даже простое утоление страсти вызвало столько сожалений. И вновь наутро он ушёл, полный раскаяния, шепча молитву.

Шло время. Он постился и бил себя плетью, но не мог противиться одержимости. Каждый раз, когда наступала его очередь идти в город собирать подаяние, он мчался ко мне. Молча, без предисловий, он врвался в дом и сразу бросался целовать, словно боясь, что на этот раз я успею одуматься и откажу.

Но я ждала его. Неизменно, всегда готовая откликнуться на кипение.

Он был смертным человеком, и я понимала, что придёт время, когда его силы пойдут на убыль, красота уйдёт, а затем и жизнь покинет тело. Всё даётся людям лишь раз, они не способны обновляться, как мы. И эта скоротечность делала нашу страсть ещё ярче.

Не знала я одного – что всё закончится так скоро и страшно.

Как-то ночью, когда алая луна ласково струила свет на землю, наполняя силой каждое живое существо, я возвращалась из древнего святилища. Только что окончился ритуал возрождения сил, и я летела между деревьями над петляющей тропинкой. Приколотая к плащу веточка самой поздней лаванды, цветущей на склоне лета, оставляла за мной шлейф аромата, он стелился в неровном алом свете нежно-голубой полосой.

Заслышав приближающиеся шаги, на всякий случай тоже пошла пешком – мало ли кто встретится. Но это был он, мой монах.

Он шёл по какому-то поручению, видно, срочному, раз пустился в путь, не дожидаясь рассвета. Мгновение мы стояли друг напротив друга. А затем слились в объятиях, не в силах даже уйти с тропинки. Рвались завязки рубахи, отлетела в кусты пряжка плаща, ломались ветви. Запах лаванды и нашей кожи смешались, сводя с ума.

- Вернусь через три дня... - шептал он, задыхаясь. – И сразу к тебе.

Не просто желание вело его по земле кругами, неизбежно приводя ко мне. Нечто большее, чем влечение тела, овладело его сердцем и умом.

Когда я вдруг поняла, что он испытывает, меня охватила радость. В последнее время я чувствовала, что монах занимает слишком много места в моих мыслях. Мне нравились его строгость, немногословность и сдержанность, под которой бурлила неукротимая страсть. Когда его светлые холодные глаза, с вечно отрешённым взглядом, обращались ко мне, в них вспыхивал настоящий огонь, что дано зажечь не всякой ведьме. Его страсть была не просто доказательством моей мощи – что-то горело в нём с самого начала, опаляя и меня.

Теперь же оказалось, что и он впустил меня слишком глубоко в свою аскетичную жизнь.

Волнение, какого давно я не испытывала, лишило осторожности. Обхватив любимого, я на пике наслаждения рывком взмыла в небо, навстречу алой луне...

... Он смотрел, осознавая, кто я. И по мере того, как он понимал, в глубине его глаз зарождался ужас.

- Опустит... - его голос звучал хрипло и незнакомо.

Мы встали на то место, с которого только что взлетели. Прошло лишь несколько минут между этими двумя моментами, но как изменился его тон!

- Уходи, - в глазах был страх и непонимание.

- Но...

Он отпрянул и замотал головой. Быстро оделся, поднял суму и зашагал прочь. Я осталась под луной, растерянная, в слезах.

Через условленные три дня он не пришёл ко мне. Сперва я думала, что правда оказалась невыносима для его понимания устройства мира. А ещё через неделю мне показалось, что он зовёт меня. Я услышала его голос через шум ночного ветра и, не выдержав неизвестности, пробралась к стенам недостроенного монастыря.

Я нашла его между камней под обрывом. Похоже, случилось это совсем недавно, в то время, когда его голос донёсся до меня – ещё никто не заметил его отсутствия. Судя по кровавой вмятине на виске, он упал из окна кельи. Проведя рукой над остывающим телом, я ощутила вместе с выходящей из него жизнью, что происходило в последние часы.

Признание на исповеди. Гнев приора. Покаяние. Требование раскрыть имя ведьмы. пытки. Десятки молитв, прочитанных над истерзанной плотью, чтоб изгнать одержимость. Ночь в запертой келье, проведённая в раскаянии и молитвах. И прыжок навстречу смерти. Надеялся ли он, что я рядом, что могу поймать его на лету и спасти? Или это был жест отчаяния, когда он понял, что не выдержит новых пыток?

Опустившись на камни, я положила его голову себе на колени. Ускользающее тепло становилось всё слабее. Вернуть ему жизнь было не в моих силах. Прости, милый, если ты наслушался сказок и думал, что я смогу тебя оживить. Даже я не всё на свете умею.

Прядь волос самоубийцы – сильное средство, входящее во многие снадобья. Срезав несколько, я в последний раз прикоснулась к губам, что уже не могли ответить на поцелуй.

Он не был слаб, хоть сам так считал.

Никто в монастыре не узнал имени ведьмы, что соблазнила одного из самых строгих и чистых помыслами монахов... А его имени я так и не спросила.

Через несколько дней началась первая аррасская охота на ведьм.

Глава 7. Ложь и слухи

Солнце было высоко, когда я открыла глаза и огляделась. Дацио спал, обняв мешок с гитерном. Пол под нами до сих пор не остыл. Да, римляне знали толк в печах! Однако это не спасло их от забвения.

Причесавшись и снова убрав волосы под чепец, я коснулась щеки юноши, и он тотчас открыл глаза и сел:

- Утро... Пора прощаний в любой балладе...

- Ты невозможно утончён, словно наследник высокого рода.

- Как знать, может быть, так оно и есть? – засмеялся он. – Хотелось бы! А ещё хотелось бы уметь всегда пробуждать ответное чувство...

- Ты и так достаточно хорош.

- Нет, я о другом – чтобы любовь дамы не ушла, если я ещё горю.

Секунду я колебалась, а затем тихо ответила:

- Я могу подарить тебе эту способность.

Дацио замер, осознавая, с кем бок о бок провёл ночь. Затем хлопнул себя по колену:

- Так и знал, что с тобой всё непросто! Ты вправду можешь... - он замолчал, подбирая слово. Похоже, «колдовать» ему претило. – Ты можешь сделать так?

- Да. Считай это ответным подарком за ночь песен. Но помни, как любая магия, свойство это может истощиться. Расходуй с умом, не растрачивай на случайные связи.

- Согласен, - он доверчиво протянул ко мне руки, повернув ладонями вверх, словно ожидая подарка. – Как ты это сделаешь?

Пальцами я прикрыла ему глаза. Он сидел, такой открытый мне и всей магии, что можно было бы без труда подпитаться его жизненной силой, но у меня не поднялась рука забрать хотя бы каплю, так меня тронуло его доверие и та музыка, что звучала вчера. К тому же вчерашнее ощущение меня не подвело: его жизненные силы были слишком робкими и ранимыми, чтобы пропускать поток магии. Значит, заberi я хоть немного - он заболеет. А навредить ему я не хотела.

Взяв из мешочка на поясе щепотку любовного снадобья, я нанесла его на опущенные веки юноши:

- *Revertatur cinis ad fontem aquarum viventium...* [Да вернётся зола к источнику живой воды... (лат.)]

В завершение заклинания я поцеловала его в лоб, запечатлевая магию навеки. Отныне те, на кого он будет смотреть с истинной любовью, всегда будут отвечать ему взаимностью.

- Не открывай глаза, пока я не уйду, - шепнула я напоследок.

Покинув руины, я спустилась на главную дорогу. Вскоре по левую руку начался грязный лагерь наёмников, проходить мимо которого стоило только при свете дня и, желательно, с надёжными попутчиками. Сейчас от него воняло ещё сильнее, чем обычно: на дереве возле главных ворот лагеря висели два трупа, должно быть, казнённые собственными военачальниками за разбой.

С одной стороны, бернцы постарались привести в порядок единственный надёжный путь с севера на юг. Для этого им приходилось пресекать неизбежные междоусобиц мелких герцогств и графств. Кларан мне тем и понравился, что не переходил из рук в руки каждый год.

С другой стороны, именно для поддержания порядка потребовались сотни наёмников из далёких стран. Незнакомая речь, непохожая ни на одно из местных наречий, звучала на весь лагерь. Наёмникам без войны было скучно, они шатались по окрестностям, заставляя родителей прятать подальше своих дочерей. Порой особенно бесчинствовавших казнили, но это никого не впечатляло достаточно сильно, чтобы разбой и насилие прекратились полностью.

Быть ограбленным на дороге из Монтрё в Шильон стало обыкновенным, но у торговцев по-прежнему не было выбора. Заговаривая тюки на удачу, они обречённо вели обозы.

Пристроившись в хвост такого обоза, я дошла к замку, закрытому и неприступному. Но сегодня он не был мне нужен. Важнее была крошечная деревушка мастеровых людей, примыкавшая к протоке по другую сторону от замка.

Осторожно миновав лагерь, я вышла к мастерам. Торговля едва шла, как обычно в понедельник. Покупатели лениво слонялись среди лавок, тратя всё время на пустые разговоры с мастерами. Возле гончарной мастерской стояло несколько человек, живо обсуждавших события в Кларане. Один из подмастерьев был на воскресной службе и остался посмотреть разоблачение. Теперь, окружённый всеобщим вниманием, он взахлёб рассказывал свою версию событий:

- ... А как только он осенил её крестным знамением, от её головы пошёл дым, и она так страшно завизжала, что, верно, и чертям в аду тошно стало!

Бурная фантазия подростка пышно дорисовывала увиденное, расцветивая всеми оттенками адского пламени на радость остальным. Даже слушать это было противно, тем более – представлять, но те, кто пропустил разоблачение, сопровождали рассказ взволнованно-одобрительными возгласами. А парнишка продолжал сообщать новые подробности...

Удивительно устроены люди! Не видев, не зная, не помня, они умудряются придумывать себе воспоминания о том, о чём даже не слышали, стоит только попросить рассказать об этом. Сколько раз при мне кто-то с ходу сочинял подробности событий, будто сам был очевидцем, хотя узнал о них лишь за пару минут до разговора.

Ведьмы помнят всё до малейших деталей, лишь иногда забывая несущественные подробности. У нас иначе устроена память. Мы можем запросто выбросить из головы нечто неважное или же будем что-то ощущать лишь вчера произошедшим из-за точности образов. Но ведьмы никогда не добавляют новых деталей. Люди же без них жить не могут.

- ...И когда ведьму поволокли в кирху, на земле от её ног оставались горящие следы! – закончил подмастерье и обвёл слушателей взглядом, наслаждаясь произведённым впечатлением.

Мастера заохали, качая головами. Судя по их лицам, история врезалась в память, на ходу обрастая новыми подробностями. Уверена, через пару дней я услышу новую версию разоблачения ведьмы из Кларана, в которой та будет летать среди бела дня над кирхой и перегрызать горло зазевавшимся монахам.

Под шумок купив у гончара маленький подвесной кувшинчик для ароматных масел, я сразу прикрепила его на пояс. Сюда залью самое ценное снадобье, остальные спрячу в лесу, чтобы забрать позже, после "утопления".

Наконец, мне попался на глаза стражник, тоже слонявшийся среди лавок. Один из тех, что встретились мне в каземате. Меня он не мог узнать, сегодня я была собой. Подойдя к прилавку, я будто невзначай улыбнулась ему. Заинтересовавшись, он приблизился:

- Не новая ли вышивальщица прибыла ко двору?
- Возможно, а есть надежда на место при герцогине?
- Это если заручиться поддержкой влиятельных особ, - масляно ухмыльнулся тот.

Старая история, избитый заход. Влиятельной особой, конечно, он полагает себя. А наивная деревенская простушка, разумеется, должна сразу прийти в восторг от знакомства с «нужным» человеком.

Сколько раз за мою долгую жизнь я слышала подобное! Всё, что чувствуешь в такие моменты – скуку и отвращение. А стражник уверился, что простушка на крючке, и пошёл расписывать, как дверь ногой открывает в герцогские покои.

Продолжая вести ни к чему не обязывающий разговор, на который мой собеседник возлагал куда больше надежд, чем следовало, я успела прочитать его мысли и воспоминания: игра

в кости, долгая и бессмысленная из-за отсутствия денег. Смена караула, суeta возле каменного мешка. Вынос тела. Ночь, факелы, снова смена караула...

Одним из последних видений мелькнули дорогие сапоги тонкой выделки, пинком открывающие дверь раньше, чем к ней протянулась рука стражника. Теперь ясно, тело привезли куда-то... Должно быть, выдали родственникам. А стражник, похоже, сам отвозил и видел моего таинственного заказчика.

Значит, удалось. Во всяком случае, то, что я увидела, говорит об успехе.

- Что-то мне расхотелось работать в замке, - оборвала я беседу.

Надо торопиться домой. Стражник остался у прилавка, пытаюсь понять, что не так сказал, а я направилась по улице в сторону дороги на Кларан. Выбравшись из толпы, я прибавила шаг и вдруг почувствовала, что кто-то из толпы так же ускорился, следуя за мной. Шаги приближались. Людей было несколько, но вдруг часть идущих замедлилась, и только один продолжал быстро шагать, стремительно сокращая расстояние между нами.

Когда преследователь почти догнал меня, я остановилась, не оборачиваясь. Вокруг мастера, никто не обидит бедную вдову посреди улицы. Но сердце продолжало стучать всё быстрее, больше не подчиняясь мне.

Друзья, напоминаю, что от вашего отклика - лайков, комментов и репостов - зависит, насколько поднимется в рейтинге и станет видна широкой публике книга. Поэтому прошу порадовать моего брутального и своенравного Муза)))

Глава 8. Заказчик

Рука в дорогой расшитой перчатке легла на моё плечо. Вздвогнув, я обернулась, глядя вниз, на сапоги тонкой выделки, что плотно охватывали ноги человека передо мной. Те сапоги, что я видела через глаза стражника из Шильона.

- Жанин?

- Да, ваша светлость.

- Есть ли у тебя с собой хорошее лекарство от изжоги?

- Найдётся, ваша светлость.

- Следуй за мной, - сапоги зашагали к пристани, я последовала за ними, украдкой наблюдая за их хозяином. Тонкий плащ с шёлковым подбоем, открывавшимся при движениях, говорил о принадлежности к знати.

На пристани под шум воды наш разговор никто бы не услышал и с пяти шагов. Значит, разговор предстоял серьёзный. У перил господин бросил через плечо:

- Сегодня я забрал его. Сколько ещё ждать?

Вот он, мой таинственный заказчик!

- Скорее всего, завтра или послезавтра всё будет в порядке.

- Как только оживёт – получишь обещанное. Но нужно ещё кое-что... Ты можешь найти настоящий сильный яд? Такой, чтоб действовал не сразу, а через какое-то время, чтобы непонятно, когда произошло отравление?

Кивнув, я продолжала смотреть на обувь моего собеседника. Сапоги повернулись ко мне, упёрлись каблуками в доски настила, затем шагнули вплотную ко мне.

- Ты точно сможешь найти такой?

- Да, ваша светлость.

- Посмотри на меня, – перчатка нетерпеливо коснулась моего подбородка, заставляя поднимать лицо.

Скользнув взглядом по дорогой ало-жёлтой вышивке дублета, я посмотрела на собеседника. Он был на голову меня выше, довольно широкоплечий. Большая часть лица терялась в тени капюшона, но были заметны светлые, стального оттенка, глаза, что внимательно искали во мне признаки колдовской силы.

- А не слишком ли ты молода для таких дел?

- Нет... - ответила я с улыбкой, уже без ложной робости, - ваша светлость...

Лишь на мгновение я позволила ему увидеть в отражении моих глаз несколько веков колдовской жизни.

Иногда я показывала людям, кто я, если у них по какой-то причине возникали сомнения. Мне нравилось видеть, как меняются их лица, когда они понимали, с какой силой столкнулись. Для многих людей пришедшее со мной видение оставалось самым удивительным событием жизни.

Обычно я сама ощущала лишь льющийся из моих глаз магический ручеек, проникающий в глаза стоящего напротив. Если же я сосредотачивалась на том, что видел и чувствовал человек, то всякий раз видение оказывалось разным. Определялось оно тем, как жил до моего взгляда сам человек.

У оседлых крестьян и ремесленников жизнь не радовала обилием событий, а текла мимо вяло и однообразно. Такие люди видели в моих глазах падение в бесконечное звёздное небо, падающие звёзды чертили для них длинные светящиеся полосы, подобные бесконечно ровному пути.

Тот, кто много странствовал, например, торговцы и моряки, видели в моих глазах бурный поток. Иногда он был похож на течение горного ручья, иногда – на раскалённую лаву. Но вся-

кий раз движение охватывало и смотрящего, он начинал терять равновесие, хвататься руками и только потом понимал, что всё это наваждение.

Особенно необычны были видения тех, кто запятнал себя преступлениями – суть их мира находила в моих глазах причудливое и порой ужасное отражение. Мне нравилось видеть, как они бледнеют и пятятся, увидев то, чего боялись в самих себе. Иногда они в подробностях видели то, что недавно совершили, и в панике бросались прочь, опасаясь возмездия.

Взгляд, подобно зеркалу, отражал суть человека, но усиливал её во много раз, и оттого большинство не могли выдержать его спокойно. Будучи под действием моего взгляда, человек полностью терял волю. Если в это время я приказывала что-либо, неважно, мысленно или вслух, он не мог противиться.

Однако мой собеседник выдержал взгляд. Я же увидела в его разуме так много жестокости и борьбы, что прежде не видела ни в одном человеке. Огонь, пожирающий тела, разрушенные дома и чёрное от стрел небо. Не просто жизнь одного человека, казалось, несколько поколений передали ему память о веках яростного противостояния. Словно зеркало, я показала ему то, что хранилось внутри, сама ужасаясь увиденному.

И вместе с тем нечто притягательное мелькнуло в отражении. То, чему я ещё не знала названия, но что пробуждало яростное желание заглянуть ещё глубже.

Видение промелькнуло и пропало, но по изменившемуся лицу господина я поняла, что произвела нужное впечатление. Откинув капюшон, он наклонился ко мне, всматриваясь всё пристальнее.

Я же смотрела на него, на обветренную долгой дорогой по весеннему солнцу кожу с чуть обозначившимися морщинами вокруг глаз стального цвета, на напряжённые вниманием брови и каштановые волосы... неизбежно узнавая лицо, что видела несколько лет назад, на дороге в Кларан. Ошибки быть не могло!

В тот давний день, на дороге в Кларан, меня разыскал непростой покупатель. Сам старый герцог Бертольд Эрхангер, наследник почти угасшего рода, «пустого безземельного титула», как в насмешку говорил герцог Савойский. Вручая старику в богатой одежде редкий яд, я обратила внимание стоявшего рядом с ним на молодого человека. Уже тогда я запомнила жёсткое и надменное выражение его лица и имя, брошенное отцом сквозь зубы: Гардбальд.

Некогда Эрхангеры правили всей Швабией, истории их побед доходили и в Аррас. Не раз я слышала об их противостоянии с королём Конрадом Первым. Расширяя владения, Эрхангеры часто встречали сопротивление, но всегда выходили победителями. Однако в противостоянии с епископом Констанца даже династический брак сестры с самим королём не спас герцога.

Предательство задумывалось долго и тщательно, Эрхангеры были сильными противниками. Наконец, синод самых высших клириков Франконии, Швабии и Баварии осудил Эрхангера на пожизненное заключение, поставив условие примириться с королём. В противном случае они угрожали отлучить герцога от церкви. Когда же тот прибыл ко двору короля, Конрад, вопреки всем обязательствам, казнил и его, и сыновей, и даже племянников.

Однако полностью искоренить род не удалось: самый младший сын не участвовал в поездке. Поговаривали, что его мать имела склонность к магии и по картам предсказала мужу гибель, потому и осталась в замке, из которого исчезла вместе с сыном, как только туда дошли вести о казни. Казалось, больше об Эрхангерах никто не услышит. Земли Эрхангеров поделили между прочими герцогствами и королевствами.

Но спустя всего пятнадцать лет новый Эрхангер явился в родовой замок с войском наёмников и занял его. Это было так неожиданно, что герцоги не нашли, как объявить его действия вне закона. Пока они собирали совет, Эрхангер уже очертил границы владений и объявил, что всякого, кто посмеет их нарушить, ждёт неминуемая смерть. По сравнению с прежней Швабией вернул он себе немного земель, ровно столько, сколько могла удержать его армия наёмников.

С тех пор уже четвёртый век подряд Эрхангеры пытались достичь былого величия. Их борьба с Савойскими имела такие давние корни, что никто теперь и не вспомнит, с чего всё началось. Однако предмет борьбы был очевиден: даже неграмотный крестьянин не усомнился бы в неиссякаемости сил обоих родов в попытках захватить как можно больше земель.

Старый Бертольд Эрхангер так и не успел использовать мой яд в кознях против Савойского. Он скончался вскоре после нашей встречи. И теперь его законный наследник, Гардбальд Эрхангер, не распрощавшийся с надеждой однажды потеснить Савойских в их владениях, стоял в опасной близости от меня. Большую часть своей тридцатилетней жизни герцог Эрхангер занимался заговорами против герцога Савойского. И сейчас его мысли читались во взгляде. Вот, значит, кто томился в подземелье Шильонского замка – младший брат Эрхангера, Леонард.

Вздыхнув, как при пробуждении ото сна, Эрхангер отпустил меня:

- Хорошо, иди, - его голос звучал всё так же жёстко и уверенно, как раньше. – Я тебя найду.

Вновь набросив капюшон, он быстро удалился с причала. Обождав, я тоже вышла на берег и двинулась к своей тропе. Нехорошее предчувствие зародилось в глубине души. С каждой секундой становилось всё сложнее продумать план действий.

Когда замешаны такие люди, дело может принять непростой оборот. Но вдруг я поняла, что гораздо больше меня беспокоит этот настойчивый взгляд, без робости заглянувший в моё отражение. Впервые за долгое время я столкнулась с чем-то, чего не могла объяснить. Эрхангер не шёл у меня из головы.

Глава 9. Казнь

Вечер вторника выдался тёплым и влажным. Посмотреть на казнь ведьмы собрался люд даже из Монтрё. Несколько раз мелькнула одежда цветов Савойских – прислуга из замка тоже явилась поглазеть.

Огромная толпа празднично бурлила, разглядывая вкопанный в центре площади столб, обложенный дровами. Снизу слой из вязанок хвороста, на нём – горка хорошо просохших дров, тронутых синевой от долгого лежания на дворе без навеса. Йор постарался на совесть – тут и пятерых за раз можно спалить. Господин Абготт с мрачным лицом сидел на верхней ступени кирхи. Патер уже объяснил ему, что он обязан присутствовать, но было видно, что согласился он с трудом. Господин Бюрх тоже стоял в толпе, но один – похоже, госпожа Бюрх не было готова появляться на площади после всего произошедшего.

Солнце зашло за горы, озаряя небо розовым светом. Толпа начала роптать, выказывая нетерпение. Наконец, из кирхи показались чёрные плащи: сначала двое с факелами, затем ещё, наконец, вышел брат Фома, тянущий за собой на цепи Дору. Та, с наголо обритой головой, в грязной нижней рубахе, шла мелкими шажками. Похоже, она совсем не понимала, что происходит, озираясь по сторонам и корчила рожи.

Сквозь порванную рубаху были видны ожоги и кровоподтёки – монахи постарались, но я была уверена, что бедная Дора слишком обижена разумом, чтобы рассказать нечто связанное и указать на кого-либо в качестве новой жертвы.

- Великой силой наделил Господь псов своих, чтобы справиться с приспешниками дьявола! – провозгласил брат Фома, потрясая распятием.

Он с такой силой приложил распятие к лицу Доры, что у неё из губы потекла кровь. Затем монах дёрнул цепь, и полоумная упала на колени с жалобным криком.

- Узрите же, какая участь ждёт всех, кто грешен колдовством! – заорал доминиканец так громко, что многие вздрогнули, а в толпе заплакал чей-то ребёнок.

Видимо, это было сигналом к началу экзекуции. Помощники бросились к Доре, заставили её подняться и поволокли на вершушку поленницы. Цепь захлестнули вокруг столба, прихватив Дору тремя петлями – за ноги, тело и горло. Поверх наложили несколько витков верёвки, сильно стянув.

Почувствовав несвободу в движениях, Дора скривилась и начала дёргаться. Украдкой я взглянула на Абготта: он отвёл взгляд и пристально смотрел в тёмный угол площади, не в силах наблюдать за происходящим.

Четверо помощников встали вокруг костра, каждый со своей стороны света, образуя правильный крест. Брат Фома умел устроить эффектное действо. Повинуясь взмаху его руки, факелы одновременно прикоснулись к основанию поленницы. Хворост занялся, с треском осветив площадь.

Дора засмеялась, её надтреснутый смех дико отозвался эхом от стен кирхи. Пламя быстро поднималось по дровам, жадно обглаживая поленья. Некоторое время был слышен только треск горящего дерева, затем снова послышался голос Доры:

- Жарко! Не надо! Жжёт! Нет!

По толпе пронёсся одобрительный гул. Видеть чужие страдания, оставаясь в безопасности – одно из самых больших удовольствий для людей. Дора перешла на истошный крик, и в ответ ей хором загремела латынь: доминиканцы молились, изгоняя дьявола.

Струя чёрного дыма потянулась вверх, запахло жжёной плотью. Знакомый ещё с Арраса запах пробудил воспоминания, но я сосредоточилась на том, что происходило вокруг. Магия огненной стихии всегда была для меня родной.

«Иди ко мне!» Поток горячего воздуха взвился в ночное небо, закружился и обрушился вниз тлеющими искрами. Мою сторону площади обдало жаром. Крики стихли, обугленное тело повисло на цепях.

Как страстно преследуют колдовство доминиканцы, как тщательно изучают обрывки колдовских знаний, что случайно удаётся добыть! Но не знают самого главного: горящий человек – источник немалой силы. Высвобождаясь в огне, эта сила течёт туда, куда направляет её Природа. Покойся с миром, полоумная Дора. Разумом ты не славилась, а вот здоровьем обладала отменным. Теперь сила твоего сторевавшего тела принадлежит мне. Пожалуй, сохраню её до полнолуния, пока не укреплюсь силами Природы.

Дора догорала плохо. Часть тела почернела, но один бок даже не обгорел, храня розоватый оттенок молодого тела. Брат Фома недовольно приказал принести ещё хворосту. Пламя взвилось с новой силой.

Наконец, всё закончилось. Обугленный столб с раскалёнными цепями возвышался среди груды красных углей. Один из помощников обошёл толпу с раскрытой сумой, собирая щедрое подаяние. За такое зрелище, пожалуй, стоило хорошо заплатить.

При свете факелов брат Фома взошёл на верхнюю ступень кирхи, по пути покровительственно похлопав Аббота по плечу. Вытянувшись в полный рост, монах окинул площадь взглядом, а затем торжественно вручил испещрённый латынью манускрипт патеру Теодору:

- Призывая в свидетели достойных горожан, передаю патеру Теодору описание преступлений и казни ведьмы, а также рекомендации по выявлению ведьм в дальнейшем! Господь всемогущий да поможет Кларану! Да освободится он от гнёта нечисти и процветает, как прежде!

Потрясённая увиденным толпа ещё немного постояла, глядя на тлеющие угли, а затем начала таять. Аббott так и сидел на ступенях, уронив голову на скрещенные руки.

- Вам пора домой, - тихо сказала я, шагнув к нему.

Сдавленным голосом Аббott прошептал:

- Это был мой крест, моё испытание... Думал, она просто больна...

- Молитесь о её душе, - я коснулась его виска, насылая дремоту. Пусть бредёт домой в полусне, даже если кто подумает, что он пьян, не осудит его сегодня. Дойдёт – упадёт на пороге и крепко заснёт до завтрашнего вечера. А когда проснётся, уже будет легче.

Сожаление – одна из самых тяжких болезней людей. А мне пора подумать о себе и своих планах.

Люди расходились по домам, некоторые решили заночевать у знакомых, чтобы не отправляться восвояси по ночной дороге. На боковой улочке меня догнала Мелина, служанка Бюрхов:

- Жанин, госпоже неможется... Она просила позвать вас, как только всё закончится.

Обычно у Мелины был гордый вид, насколько только может быть у пятнадцатилетней крестьянской девчонки, которой повезло служить в богатом доме. Но сейчас, похоже, она переживала за хозяйку.

Дом Бюрхов, высокий и добротный, стоял на одной из главных улиц, но подошли мы к нему задворками. Ещё один верный знак, что мне пора покинуть Кларан.

На первом этаже суетились слуги, помогая хозяину выгружать мешки. Заметив меня, они переглянулись и ухмыльнулись: приход знахарки на дом – всегда признак беды с домочадцами. А сколь щедро бы ни платил Бюрх своим подёнщикам и слугам, среди них находилось мало таких, кто любил бы свою работу и хозяев.

Новая деревянная лестница вывела меня на второй этаж.

Госпожа Бюрх лежала в спальне, она выглядела напуганной и подавленной: бледное лицо, мутный взгляд, из-под чепца вывалился клубок спутанных, влажных от пота, волос.

- Добрый вечер, - я присела на край кровати, тронув её за руку. – Что случилось?

- Плохо мне, до сих пор трясёт, как вспомню... - прошептала госпожа Бюрх бледными губами. – Помогите мне, Жанин!

- А что не так?

- Кровь не остановить...

Откинув край одеяла, я увидела окровавленный ком ветоши, прижатый к её бедру. Похоже, на исходе второй четверти лунного цикла я не рассчитала напряжение, помогая крови потечь. Отделив немного здоровой силы бедной Доры, я послала её в распухшую рану. Госпожа Бюрх не следила за моими движениями – прикрыв глаза, она откинулась на подушки, вздыхая.

- Сейчас будет полегче, - пообещала я. – Лекарство приготовлю и завтра принесу.

- Представь, что могло произойти, если бы кровь во второй раз не потекла... – она всхлипнула и потянулась ко мне. – Не уходи! Я боюсь умереть сегодня ночью!

- Вы сегодня не умрёте, это просто испуг.

За дверью раздался шорох.

- Опять Мелина подслушивает, - недовольно шепнула госпожа Бюрх. – Представь, когда я брала её в дом, то узнавала, из какой она семьи, и осталась довольна. Ведь если в семье раздор – то и служанка однажды надерзит. Мелина была такой тихой и робкой, что я относилась к ней, как к родной дочери. Даже спать укладывала в соседней комнате, чтоб по неопытности она не попала под соблазн какого-нибудь парня. А теперь шагу не ступить без того, чтоб она не обсудила каждую подробность с последним подмастерьем на улице. И рассчитать не могу – её мать недавно умерла. Что подумают люди? Что я выкинула сиротку на улицу?

- Быть может, скоро кто-нибудь возьмёт её замуж? – обнадежила я.

- Ох, с таким длинным языком не скоро она кому-то приглянется! К тому же она просто глупа...

- Не переживайте! Спите, а завтра уже пойдёте на поправку.

- Благодарю, - уже спокойнее ответила госпожа Бюрх. – Там, на столе, монета для тебя.

Взяв плату, я вышла в ночной Кларан, всего за двое суток ставший таким же опасным, как некогда – Аррас.

Проходя обратно по улице за кирхой, я почувствовала взгляд. Кривая фигура в чёрном плаще стояла у бокового придела. Брат Тома смотрел прямо на меня, хотя под капюшоном его лица не было видно, но я это точно знала. Он смотрел не просто так, не с обычной злостью хищника, упустившего добычу. Нет, он точно что-то подозревал. И ждал.

На небе висел розоватый диск, очень низко, касаясь чуть корявым краем верхушек деревьев. Близилось время красной луны.

Глава 10. Красная луна

Брат Фома отбыл накануне полнолуния, больше никого не разоблачив. Следующим вечером отправилась к святилищу за холмами, прихватив лишь самые необходимы зелья.

Огромная низкая луна вела меня по перелескам, наливаясь красным цветом. Дальние зарницы на небе поблёскивали, обещая к рассвету вдоволь напоить живительной водой, что стекает в розетки листьев в такие полные магии ночи.

Мы собирались на значительном удалении от человеческого жилья, чтобы не быть застигнутыми случайными путниками. Выследить нас было сложно – каждая сюда пришла запутанной, почти невидимой людям тропой, терявшейся среди зарослей и топей, пропадавшей на верхушках холмов и появлявшейся лишь на короткие промежутки.

Одна из последних священных рощ в этих местах была древнее всего, что лежало окрест: и замки, и деревни появились намного позже, чем был возложен последний камень к нашему Великому Пламени.

Когда я протиснулась среди плотного терновника на поляну, костёр уже развели. Как же отличался он от того огня, что так недавно пылал передо мной! Дарящий тепло и силу, ласково играющий с тенями на краю поляны, спокойный и добрый.

Над огнём склонилась Грата. Никому ещё не удавалось прийти раньше неё – старшая ведьма всегда должна быть первой. Переливающиеся в отблесках огня чёрные волосы Граты колыхались на ветру, белая кожа сияла. Она могла казаться кем угодно, даже принять мужское обличье, но её привычное лицо было самым красивым: высокие скулы, яркие губы и манящий взгляд тёмно-синих глаз.

Покинув Аррас одновременно со мной, Грата нашла прибежище в замужестве за Ульрихом фон Клингеном и жила в его замке в достатке и покое как герцогиня фон Клинген. Детей заводить она не рискнула – слишком уж много было других наследников, а заниматься интригами Грата не хотела.

Никто не знал правду о ней. Все чтили герцогиню, а её привычку раз в месяц запирается в часовне для молитв и бдений считали верным признаком набожности и чистоты. Но тайный ход под землёй выводил Грату из часовни в дальнюю рощу, где неизменно, каждое полнолуние, она встречалась с подругами. Счастливый покой длиной почти в двадцать лет оборвался сразу после кончины Ульриха.

Дети фон Клингена от первого брака начали следствие, обвиняя Грату в том, что она отравила супруга. Это было полным абсурдом – Грата любила мужа, хоть он и был простым смертным. Обвинения были так же бессмысленны, как и проповеди доминиканцев о том, как ведьмы мечтают извести под корень весь род человеческий. Ведьмы черпают силу через людей, и никто в здравом уме не будет резать дойную корову. Но оправдаться было невозможно, и выход был один.

Герцогиня фон Клинген бросилась с крепостной стены, и её тело растерзали дикие звери. Так все решили, найдя окровавленные клочки одежды. А ведьма Грата продолжила путь и возглавила нашу семью. Теперь каждое полнолуние я и ещё одиннадцать ведьм встречались с ней в роще.

Мы обнялись, приветствуя друг друга.

- Не пора ли тебе в путь? – Грата вновь склонилась над огнём.

- Об этом как раз хотела поговорить, - и я рассказала об Эрхангере.

- Опыт подсказывает, что ты влезла в слишком опасную игру, - вздохнула Грата. – Расстановка сил не до конца ясна. К тому же ты живёшь на земле герцога Савойского, а помогаешь его противнику. Сможет ли Эрхангер проявить щедрость, соответствующую твоему риску? Да

и захочет ли? Ты не хуже меня знаешь, что люди слабы и склонны к предательству, – Грата замолчала, вглядываясь в языки пламени, понимавшиеся всё выше.

- Думаешь, он не заплатит?

- Не уверена. Но если это единственная причина, что держит тебя в Кларане – то затягивать не стоит. Заработаешь на новом месте. До меня дошли нехорошие слухи из Берна... Говорят, что кто-то пытался бежать тем же способом, что применила ты для Эрхангера. Но с выдачей тела затянули и догадались, что это попытка бегства. И знаешь, что сделали? Просто свернули пленнику шею. Когда срок действия зелья вышел – тот умер уже окончательно.

- Не надо сейчас об этом, - я и без рассказов Граты уже понимала, что раз Эрхангер не дал о себе знать до сих пор, что-то пошло не так. В лучшем случае герцог просто «забыл» о своём обещании заплатить.

На краю поляны показалась ещё одна ведьма, Чистая Хлоя. Так её прозвали за кожу без единого пятнышка. Однажды это спасло ей жизнь – по неудачному стечению обстоятельств попав в руки дознавателей, Хлоя не дала им ни малейшей зацепки. Сколько они ни искали хоть какую-нибудь дьявольскую отметину, на её гладкой белоснежной коже не было ни следа.

Миловидное лицо и смиренное поведение перевесили целый мешок смертельных ядов, что нашли у Хлои в доме. Впрочем, подруги подшучивали, что не сама кротость Хлои, а кроткое желание епископа, что вёл процесс, позволило ей спастись. За отсутствием признаков сношения с дьяволом Хлою оправдали, однако предупредили, что имущество конфискуется в пользу монастыря, а ей самой лучше убраться куда подальше, напоследок проведя ночь с епископом, чему она, впрочем, не противилась.

Года три назад по совету Граты Хлоя пришла в соседнюю с Клараном деревеньку, но и теперь ей, как и мне, тоже пора было трогаться в путь.

- Знаешь ли ты, что герцог Эрхангер собирает армию? – вместо приветствия спросила Хлоя. – Уже который год он ездит по окрестным деревням и покупает у крестьян мальчишек, чтоб обучить военному делу. Раньше все думали, что это будет его личная гвардия, и на ней он остановится. Но недавно в замок потянулись наёмники. Похоже, зреет война за герцогство!

У меня перехватило дыхание. Только войны нам не хватало!

- С каждым годом всё меньше мест, куда можно уйти. Пожалуй, подамся на север, - заключила Хлоя. – Там ещё остались люди, которым мы нужны.

Понемногу подтянулись остальные. Каждая принесла лишь самое нужное: немного трав, кувшинчики с зельями и разные мелочи на обмен. Приветствуя друг друга, мы скрепляли части наших сил воедино. Только здесь мы ощущали себя, как раньше – в безопасности, среди своих. Грата дала знак, и ритуал начался.

Полнолуние было очень важно для нас. В эту часть лунного цикла Природа щедро делилась силами, наполняя каждую из нас множеством способностей. Ведьма не одинаково сильна круглый год – силы приходят и отступают, подобно водам моря. Никогда ещё я не слышала, чтобы ведьма попала сразу после полнолуния. Люди подозревали об этом, хотя наверняка не могли знать. Как бы то ни было, я давно заметила, что охотятся на нас чаще всего во вторую четверть лунного цикла, когда мы слабее и теряем осторожность.

Время красной луны было особенно ценно: высвобождались самые сокровенные силы Природы, что были недоступны в обычное полнолуние. Этой ночью можно было налиться первозданной силой до последнего волоска на коже, от макушки до самых пальцев ног, чтобы сила сочилась из малейших пор, очищая собой всё на много шагов вокруг.

А уж если повезёт найти хорошего проводника природной силы, то красная луна может одарить ведьму мощным потоком. Сколько раз такое случалось на моей памяти! Выбрав подходящего молодого мужчину, я вела его на место силы, к древнему святилищу. Отбросив сомнения и страх, он позволял мне властвовать над ним, приказывать и наслаждаться его телом, а затем уходил, наполненный счастьем.

Но сегодня мы были вынуждены обойтись своим танцем... О, как же давно я не сливалась в объятиях с идеальным проводником магии! Украдкой вздохнув, я присоединилась к общему хороводу.

Медленно и плавно, как всё начинается в Природе, без рывков и отмашек, натекая приливом и приподнимая нас над землёй, начался ритуал. Выскользнув из одежды, мы взмыли в ночное небо, сияя белыми телами в темноте.

Как я любила эти полёты во времена благоденствия Арраса! Поднимаясь над священной рощей, мы видели, как местные жители почтительно наблюдают издали. Для них наш магический танец в небе означал, что скоро можно будет обратиться к нам с новыми просьбами, ведь сила наша возросла во много раз. Радость переполняла нас, разливаясь потоком на леса, пашни и деревни.

Только постоянно пропуская природный поток сквозь себя, можно обновляться и черпать новые силы, подобно вечно текущей реке. Таковы ведьмы. Люди же подобны лужам со стоячей водой – солнце иссушает, вода начинает со временем цвести, а после и вовсе превращается в грязь. Никакое лекарство или молитва не способны превратить застойное болото обратно в некогда бурный поток. Лишь ведьме такое под силу.

Как несовершенны людские тела! Словно Природа, задумав сотворить ведьм, в первый раз отвлеклась и бросила дело на полпути. Люди не способны ловить потоки, так обильно пронизывающие мир вокруг, не умеют хранить свою силу и тратят её по любому поводу, не могут даже излечить себя от недугов! Однако всё же есть от людских тел и польза – они, как пустой рог для воды, могут служить хранилищем силы и проводить её в тело ведьмы, ускоряя поток во много раз.

И люди приходили к нам с дарами, помогая получить блага Природы и унося взамен спокойствия, здоровье и чистый разум. Как недавно это было – и всё же между теми танцами и происходящим сейчас уже пролегла целая пропасть...

Соединив руки в полёте, мы образовали круг и выгнулись, ловя восходящий поток воздуха. Пульсирующая сила огня поднималась вверх, стремилась через наше кольцо, вспыхивая на кончиках пальцев. Глядя на смеющиеся помолодевшие лица подруг, я ощущала безмятежный покой и кружилась, ускоряясь.

И вдруг тревожное чувство колыхнуло круг: мы здесь не одни.

Глава 11. Просители

Через плечо я увидела, как на краю поляны появились три фигуры. Их заметили и все остальные. Грата стрелой метнулась вниз, нырнула в одежду, мы последовали за ней.

В свете костра мы разглядели пришедших: женщина и двое мужчин, один средних лет, другой молодой. У молодого был топор – они прорубили себе путь на поляну через сплетённый закланием кустарник. Похоже, это не случайные свидетели нашего таинства.

- Вы помешали нам! Уходите! – Грата выступила навстречу, едва касаясь ступнями прижатых трав.

- Простите, что помешали, но мы пришли просить вашей помощи, - робко и вместе с тем настойчиво проговорила женщина и, запнувшись, добавила: - И мы не уйдём, пока вы не поможете. Нам больше некуда идти.

- Что вам нужно?

- Мы с мужем в браке уже семь лет, но Господь не послал нам потомства.

- Вот к нему и обращайтесь, - резко оборвала Грата, отворачиваясь и взлетая.

Женщина бросилась к ней, уцепившись за подол платья, и зачистила:

- Мы молились во всех кирхах и соборах герцогства! Нет таких святых мощей, к которым не прикладывались бы мои губы! Нет ни одного патера, что не исповедовал бы меня и не давал советы! Мы истратили все деньги на снадобья разных лекарей! Только вы сможете мне помочь, больше никто не может!

Продолжая говорить, женщина повисла на подоле Граты над землёй, но, казалось, не замечала этого. Мужчины молча и растерянно наблюдали за происходящим. Грата опустилась на землю, женщина оказалась перед ней на коленях:

- Я лучше умру на этом холме, но не уйду!

- Мы не будем помогать! – отрезала Грата. – Уходите!

- Ничего не выйдет, пойдём, - мужчина помоложе потянул женщину за плечо, но она будто не слышала, продолжая цепляться за Грату. – Вам всё равно нечем платить.

- Я помогу, - Хлоя выступила вперёд, вытаскивая из ножен на поясе крошечный нож. – Но с одним условием...

Люди испуганно переглянулись, а Хлоя рассмеялась:

- Что, уже готовы на попятный? Как же застрашали вас проповедники!.. Итак, договор таков: я сделаю твоё лоно плодородным, как весенняя пашня, и ты будешь рожать каждый год по здоровому младенцу. Но ни один простой смертный не узнает, как и что произошло. Ты поклянешься не просто молчать, но также оказывать помощь любой из нас, если понадобится – накормить, дать кров, спрятать от преследователей. Если ты отступишь от этой клятвы, договор будет расторгнут, и ты потеряешь всё, что мы тебе дали. Готова ли ты?

- Клянусь, - без колебаний ответила женщина.

Не раз я видела подобное отчаяние: одни женщины дни и ночи простаивали на коленях в молитвах, другие на последние монеты покупали шарлатанское снадобье у заезжих торговцев. И даже если мы случайно сталкивались в толпе на рыночной площади, я узнавала их по глазам, горящим единственной целью.

- С этой минуты договор вступает в силу, - объявила Хлоя, легко коснувшись макушки женщины. Тотчас на ней появилась слабо светящаяся отметина, видная лишь нам и недоступная взгляду простого смертного. Мы начали пользоваться такими знаками недавно, после исхода из Арраса. Каждая ведьма метила помощников, чтобы другие знали: эти люди помогут в случае необходимости.

- Ладно, мы с вами, - Грата обвела поляну рукой, смыкая и переплетая кусты. – Начнём... Кто из них твой муж?

Женщина указала на мужчину постарше, затем перевела палец в сторону молодого:

- Мой брат просто боялся отпускать нас сюда одних. Ему уйти?

- Нет, напротив, он тоже пригодится, - возразила Хлоя. – Лорена, поможешь?

- О, да! – поняв её намерение, я подняла с земли мой пояс с пристёгнутыми мешочками для зелья.

- Вы, все трое, раздевайтесь! – приказала Грата, и мы также снова выпорхнули из складок одежды.

Смешав нужные снадобья, я приблизилась к брату просительницы. Он был встревожен, но наверняка ещё никогда не видел столько обнажённых женских тел разом и потому быстро забыл сомнения. О, да, это парень вполне подходил для нашей задумки...

Юноша был довольно хорош собой, хоть и видно, что из простых. Непосильный труд ещё не согнул спину, руки не слишком загрубели, молодое тело казалось созданным для радости, а не прозябания в заброшенной деревне.

Я видела его лицо в потоке времени, как дано видеть лишь ведьмам. Вот раскрываются чистые светлые глаза мальчика, затем появляется первая морщинка в уголках – от весёлой ухмылки подростка, потом взгляд взрослеет и становится увереннее, а после тяжёлые веки дрябнут и гасят их свет.

Ровная жизнь, хоть и трудная, но без больших приобретений и потерь. Что же, пусть в его жизни произойдёт хотя бы одно по-настоящему яркое событие, что он запомнит навсегда.

- Закрой глаза, - шепнула я. Не нужно, чтобы его одолела одержимость, он слишком молод и наивен, ему такое не пережить.

Осыпав тело юноши снадобьем, я начала ходить по кругу, втирая порошок в кожу. Чувствовалось, как юноша с каждым мгновением вливается в общее действо, становясь частью творящейся магии. Дыхание замедлилось, он взмыл вместе со мной – невысоко, но так, чтобы мы стали продолжением потока, который вот-вот должен был начаться внизу, на земле. Остальные ведьмы кольцом окружили нас, смыкая ладони, чтобы не упустить ни капли возрождающей силы, готовой вырваться наружу.

А прямо под нами, Хлоя колдовала над отчаявшимися супругами. Соединив их руки и шепча заклинания, она кружила их в медленном танце, и вскоре за каждым из них потянулся светящийся след. Пламенные силы нашли путь в застоявшихся, почти окаменевших телах. Природа проникала в них, обновляя и заставляя ожить всё самое сокровенное, давно забытое.

Уколов кончиком ножа руку мужчины, Хлоя заставила капли крови взмыть и лечь на живот женщины, создав оберегающие знаки. Лезвие вернулось в ножны, а Хлоя подняла руки, медленно сводя ладони. Даже ветер стих в ожидании.

- Et fiat terra fructificans! Et fiat utero suo fertilis!... [Да будет земля плодородной! Да будет чрево плодовитым! (лат.)]

Руки почти сошлись, оставляя зазор тоньше волоска. Молния блеснула меж ладоней Хлои, устремляясь в тело женщины. Вздвогнув, та сперва отпрянула, но тотчас поняла, что не испытывает боли от пронзившей тело вспышки – наоборот, это было наслаждение. Сколько раз видела этот ритуал, и всегда люди боялись до последнего мига, хотя приходили сами, по доброй воле, зная, что им здесь помогут.

Пройдя через тело женщины, молния вызвала ответ из земли – разгорячённые костром камни защёлкали, земля всколыхнулась и выплеснула всю мощь, что накопилась к полнолунию. Хлоя сблизила тела мужчины и женщины, отступив в тень их тел.

И началось.

Поток стремительно пронзил наши тела, кольцом разойдясь по краям поляны с такой мощью, что всколыхнулись, шурша, кроны вековых дубов. Поддавшись магии Природы, юноша не наугад, а уверенно и страстно обнял меня, будто мы знали друг друга сотни лет.

Сколько же было сил в этом молодом крепком теле!

Внизу, под нами, разворачивалось действие человеческого соития. А мы, скользя по воздуху, сливались в безумном ритме, навеянном магией.

Я знала, что творится сейчас у него в голове, такое бывало не раз. Удивляясь самому себе, он смело ласкал моё тело, оторопело замечая, что никогда не проделывал подобного с теми деревенскими девчонками, что удавалось зажать за сараем после сенокоса. Движения не были ему подвластны: подчиняясь моим желаниям, он делал то, чего хотела я, но его наслаждение от этого не становилось меньше, напротив, оно усиливалось стократно. И каждое прикосновение открывало новый путь для вливающейся магии.

Источая страсть, огненными нитями тянущуюся к краям поляны, мы поглощали и тотчас раздавали вокруг мощь Природы. Пробегавшая по телу юноши дрожь передавалась мне и возвращалась к нему. Наконец, наши тела пришли к полному созвучию, мы ускорились в колдовском танце, невольно расплёскивая магию во все стороны. Последний мощный всплеск – и мы начали спускаться.

Когда мы коснулись земли, он не смог устоять на ногах. Не расплетая тел, мы прокатились по траве к самому огню, и только тогда я отпустила его, разомкнув круговорот.

Рядом всхлипывала счастьем, сочащимся из каждой поры, наша просительница. Ошалевший, измотанный усилиями муж лежал рядом. Хлоя подняла их, огладила живот женщины:

- Ты не должна смывать эти знаки, пока не разрешишься от бремени. Никогда не говори об этой ночи даже наедине с мужем. Одевайтесь и уходите. И больше никогда, ни по какой причине сюда не возвращайтесь, ни с просьбой, ни с приношением – мы вас тут не ждём.

На подгибающихся ногах мой проводник сил тоже потянулся за ними. Я улыбнулась вслед. Теперь он проживёт дольше многих в деревне, и даже чума обойдёт его дом стороной. Он ещё не знает об этом. То-то удивится!

Обернувшись на краю поляны, юноша посмотрел на меня, силясь что-то сказать, но не находил слов. То, что он сейчас испытал, просто не имело обозначения ни на одном людском языке.

Я приложила палец к губам: молчи, наивный! И никогда никому не рассказывай!

Пройдёт время, и воспоминание об этой ночи перестанет быть отчётливым. Что-то забудется, что-то он сам додумает, дабы заполнить пробелы. Но точно никогда не забудет, что однажды на поляне посреди священной рощи ему было волшебное хорошо, так, как никогда уже не будет ни с кем.

Летя домой совсем невысоко, всего в ладони от земли, я чувствовала себя молодой и счастливой, как в прежние времена. Сияние алой луны освещало мой путь.

Глава 12. Неосмотрительные траты

В доме Бюрхов были опущены занавески – госпоже Бюрх становилось всё хуже, и, похоже, все смирились с неизбежным концом. Подходя в сумрачной спальне к кровати, я ощутила запах разложения. Нога была мертва, это стало ясно ещё до того, как я прикоснулась к больной. Осмотр раны не сулил ничего хорошего.

Шрам больше не кровоточил, но вокруг места прокола образовалось чёрное кольцо. Видно, игла брата Фомы была отменно грязной, но раньше пожаловаться на это было просто некому, ведь все, в чью плоть вбивалось это орудие, слишком быстро отправлялись на костёр, чтобы успеть заболеть. Рядом зияла рана от свежего ожога. Дальше вдоль сосудов шли чёрные пятна разлагающейся плоти.

- Откуда ожог? – взглянув на господина Бюрха, я увидела, что он смущён.

- На всякий случай я привозил лекаря из Монтрё, он сделал прижигание, чтобы болезнь не распространялась, - словно извиняясь, проговорил тот. – Не помогло, увы!

Ох, уж эти люди! Всё бы им жечь калёным железом! Я открыла было рот, чтобы объяснить, почему припарки лучше прижиганий, и как живая плоть питает больное место, возрождая гораздо лучше, чем обожжённое мясо, что получилось сейчас... но осеклась. Господин Бюрх туповато смотрел на меня в ожидании чуда. Дурака учить – только портить.

- Впредь знайте, что если выбрали один способ лечения, не стоит мешать его с другими, - сказала я. – Похоже, придётся отнять ногу... Нужно звать коновала, у него есть хорошая пила для костей.

Госпожа Бюрх застонала:

- Нет, только не это! Даже если я выживу, как я буду дальше?

- А я слышала, что если человек потерял конечность задолго до кончины и был похоронен без неё, то и при воскрешении в судный день уже не обретёт её! – брякнула заглядывавшая в дверь Мелина. – Мне Марта, что служит у Абготта, говорила! А она слышала от патера из Монтрё, что это доподлинно известно!

- Закрой рот, - сказал господин Бюрх. – Жанин, другого выхода нет? Я хорошо заплачу.

Он всё-таки был привязан к супруге, любил её мягкое полное тело, хотя нередко задибал юбку служанке – видение промелькнуло, а Бюрх даже сам смутился, что вспоминает о подобном в двух шагах от умирающей жены. Как типично для людей – сохраняя внешнюю благопристойность, вести разговоры о верности, а втихую зажимать по углам молодую служанку.

Я колебалась, не зная, что ответить. На лечение магией потребовалось бы время. А сколько сил уйдёт у меня? Отдать почти всё, а потом уйти налегке слишком рискованно, даже если мне и вправду много заплатят. А людям свойственно забывать то добро, что для них сделано, как только опасность минует.

- Есть травы, которые помогают в половине подобных случаев, - ответила я. – Обещать наверняка ничего не могу. Если через два дня лучше не станет – решайте сами, как быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.